В. Я. КАНТОРОВИЧ

ПЛАНОВОЕ НАЧАЛО В ПРОМЫШЛЕННОСТИ



ЦЕНТРАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПЕЧАТИ

ЦЕНТРАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПЕЧАТИ ВСНХ СССР.

В. Я. КОНТОРОВИЧ

ПЛАНОВОЕ НАЧАЛО В ПРОМЫШЛЕННОСТИ

МОСКВА—1925 Г.

Главлит № 32738. Типография ЦУП ВСНХ. Тираж 5000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемая вниманию читателя работа т. Канторовича посвящена чрезвычайно серьезной проблеме планирования в области промышленности. Автор разработал избранную им тему весьма обстоятельно. Начав с исторического обзора экономических споров за и против государственного регулирования еще со времен господства классической школы буржуазной политической экономии, автор последовательно рассматривает все главнейшие этапы практики регулирования в буржуазных странах Запада и в дореволюционной России, в довоенное время и за время войны, затем переходит к нашей практике времен „Комиссии Использования“ и военного коммунизма и заканчивает характеристикой последних достижений в области планирования за время так называемой „новой экономической политики“.

С некоторыми положениями автора трудно согласиться. Спорным с нашей точки зрения является и самый подход к чрезвычайно широкой в нынешних условиях проблеме планирования всего народного хозяйства с довольно узкой точки зрения регулирования одной лишь промышленности. Во всяком случае благодаря такому подходу целый ряд важнейших плановых проблем, стоящих у нас ныне в порядке дня, остался за пределами внимания автора, а вместе с тем и роль наших центральных плановых органов — СТО и Госплана — в общей системе регулирующих органов республики не получила должного освещения. Но, поскольку автор и не ставил перед собой таких задач, пред'являть к нему слишком строгих требований не приходится.

Наша литература о плановом хозяйстве еще чрезвычайно скудна и отрывочна. И работа т. Канторовича несомненно займет в ней далеко не последнее место, тем более, что благодаря богатому содержанию и доступному изложению этой работы ее прочтут с пользой и интересом не только наиболее заинтересованные в этом деле хозяйственники и профработники, но и гораздо более широкие круги учащейся молодежи— рабфаковцев и студентов.

С. Струмилин.

КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ СТРОЙ

ГЛАВА I.

Стихия рынка (игра частных интересов)—регулятор народного хозяйства (промышленности).

Развитие торгового капитала в XVII—XVIII веке и стремление его к расширению крайне узких рынков эпохи феодализма, привели к значительному укреплению государственной власти, к ликвидации границ между феодальными княжествами и к образованию крупных национальных рынков. Организация национальных рынков, с своей стороны, частью вызвала, частью ускорила процесс развития промышленного капитализма — массового производства для удовлетворения возросшего спроса. Однако, государственная система эпохи торгового капитала была сплетена с цеховым строем, враждебным капиталистическим методам организации производства. Государство еще к середине XVIII века сохранило часть типичных для средневековья мероприятий по регулированию народного хозяйства: регламентацию производства, поддержку цехов, противодействие капиталистическому способу производства и т. д.

В борьбе с этими тормозившими развитие промышленности формами государственного регулирования, окрепшая и выходившая на широкую дорогу капитализма буржуазия выдвинула общий принцип полного невмешательства государства в хозяйственную деятельность индивидов, ссылаясь на ненужность такового при системе конкуренции.

В истории экономических учений, отражающей ход экономического развития, идея регулирования народного хозяйства *естественным* путем, т. е. путем предоставления всего дела организации народного хозяйства игре частных интересов, в сущности, очень стара. Наиболее актуальный характер она приобрела в XVIII столетии, когда школой физиократов для нее была найдена выразительная формула: „Laissez faire—laissez passer".

Физиократы утверждали, что «личный интерес, предоставленный самому себе, находит то, что ему наиболее выгодно, и в то же время то, что наиболее выгодно для всех». «Свободная конкуренция устанавливает хорошую цену, т. е. цену наиболее выгодную

для обеих сторон, и конкуренция уничтожает ростовщический барыш». Отсюда логически выводились принципы: полной свободы внутренней и внешней торговли (и производства) и полное невмешательство государства в развитие народного хозяйства.

Адам Смит, развивавший ту же доктрину либерализма, утверждал, что «капиталист, в погоне за выгодой, невидимой рукой направляется к достижению такого результата (полезного для общества), который не входил в его намерения».

Эту наивную веру в естественный закон гармонии между личными и общественными интересами разделяло огромное большинство буржуазных экономистов. Один из них даже формулировал это утверждение в такой форме: «Все экономические законы принуждают производителя (вопреки его сознательному желанию), быть не эгоистом, а альтруистом».

Таковы морально-политические воззрения апологетов буржуазного строя. Все они убеждены в весьма рациональном регулировании производства и народного хозяйства в результате свободной игры частных интересов. Механизмом регулирования промышленности они признают всеоб'емлющую конкуренцию.

В политико-экономическом словаре, вышедшем во Франции в 1852 году, роль конкуренции очерчена следующими словами: «Конкуренция в промышленном мире то же, что солнце в физическом». Адам Смит возлагал огромные надежды на конкуренцию, считая, что она удержит капиталистов в тех пределах, которые выгодны стране. Другой буржуазный экономист (Милль) считал злом все, что ограничивает конкуренцию.

Утверждая идеальность и безболезненность метода регулирования народного хозяйства свободной конкуренцией, буржуазные экономисты в первую очередь стремились обезопасить промышленный класс от вмешательства государства в дело регулирования народного хозяйства. С одной стороны, буржуазия стремилась ликвидировать действительно устаревшие и реакционные формы регламентации производства, сохранившиеся от средневековья, с другой — обеспечить себе возможность эксплоатации труда («свобода» труда—об этом дальше).

Исходя из своего утверждения гармонии частных и общественных интересов, Адам Смит убеждал правительства отказаться от вмешательства в сферу промышленности и торговли: «Если совсем отбросить все системы поощрения или стеснения, само собой устанавливается простая и ясная система естественной свободы. Правительство (в этом случае) совершенно освобождается от тяжелой обязанности руководить трудом каждого человека и направлять его в сторону, наиболее соответствующую благу общества».

Пожалуй, в наиболее яркой, хотя и наивной форме, изложено убеждение в ненужности и вредности государственного вмешательства — планирования промышленности — докладчиком от комиссии по установлению максимальных цен в Конвенте в сентябре 1793 года: «В обычные времена [1]), цена вещей естественно слагается и формулируется из взаимодействия интересов продавцов и покупателей. Это равновесие непогрешимо. Даже лучшему правительству бесполезно вмешиваться в это дело. Сколь ни было бы правительство просвещенным, сколь добрыми намерениями оно бы ни руководилось, оно не встретит ничего более справедливого, а вместе с тем, всегда рискует нарушить эту справедливость, налагая на нее свою руку» [2]).

Итак экономические идеи буржуазной политической экономии в области регулирования народного хозяйства (а следовательно, и промышленности) в периоды развития и затем расцвета «нормального» капитализма, сводятся к следующему:

1. Существует естественная гармония между личными интересами предпринимателя, стремящегося к извлечению прибыли, и интересами общества — всего народного хозяйства.

2. Механизмом, регулирующим народное хозяйство (промышленность) является свободная, неограниченная конкуренция.

3. Этот механизм действует безошибочно, планомерно и безболезненно.

4. Государственное вмешательство в дело планирования народного хозяйства бесполезно или вредно.

Такова идеология. Перейдем к фактам и посмотрим, как практически регулируется народное хозяйство в условиях нормального капитализма.

Капиталистическое хозяйство слагается из множества независимых друг от друга предприятий. Каждый предприниматель работает за свой страх и риск, не зная и не будучи в состоянии узнать, сколько товаров требует рынок и какая часть произведенных им товаров будет раскуплена. В капиталистическом хозяйстве нормального типа не может быть никакого органа, который учитывал бы спрос и предложение и распределял бы производство пропорционально потребностям общества между предприятиями. В то же время экономика каждого капиталистического предприятия побуждает его к расширению производства с целью увеличения общей суммы прибыли на затраченный капитал. Таким образом, характер капиталистического хозяйства по существу анархичен.

---

[1]) Приведено С. А. Фалькнером.

[2]) Эти вступительные слова вызваны тем, что комиссия предложила Конвенту установить твердые максимальные цены, т. е. нарушить действие закона конкуренции, что об'яснялось комиссией необходимостью борьбы против «злоумышленников и негодяев».

Однако, анархичность системы капиталистического хозяйства отнюдь не означает полного хаоса в хозяйстве. Капиталистическое хозяйство регулируется, в конечном счете, рынком, свободным соотношением спроса и предложения. Роль показателя рыночного соотношения спроса и предложения играют цены. А. Богданов удачно сравнивает роль цен в капиталистическом хозяйстве с ролью регулятора паровой машины, который автоматически выравнивает ее ход, однако, лишь после того, как нарушение нормального хода произошло. В условиях нормального капитализма (при развитом капиталистическом хозяйстве и еще до организации частно-капиталистических монополий), цены, в общем, вполне верно отражают соотношение спроса и предложения. Регулятивная роль цен выражается в том, что когда в какой либо отрасли падают цены в результате перепроизводства товаров, то понижаются прибыли, часть капиталов начинает отливать в более прибыльные производства, выработка изделий сокращается, пока наличие их не приходит во временное соответствие спросу. Наоборот, высокие цены в какой либо отрасли производства показывают недостаток предложения и высокие прибыли предпринимателей. В эту отрасль вливаются новые капиталы или с помощью старых капиталов производство расширяется, спрос удовлетворяется и цены—показатель соотношения между спросом и предложением—падают.

Таким образом, вместо сознательного регулирования народного хозяйства, капиталистическое хозяйство регулируется, в конечном счете, стихийной, слепой силой рынка, и некоторое равновесие частей хозяйства достигается лишь после того, как дезорганизация рынка наступила.

На неэкономность с народно-хозяйственной точки зрения этого регулятора капиталистического хозяйства указывал в свое время экономист Сисмонди, отражавший идеологию мелкой буржуазии. «Никто не верит в быстроту и легкость перемещения капитала и труда из одной отрасли в другую под влиянием избытка предложения: рабочий, привыкший к своей профессии и обладающий специальными навыками и к тому же дорожащий своей работой, согласится скорее на понижение зарплаты и удлинение рабочего дня; фабрикант не в меньшей мере цепляется за свое дело. В первый период производство может даже возрасти». Дальше Сисмонди указывает, что в конечном итоге производство придет в соответствие со спросом, однако, *болезненным* путем. Это указание, конечно, правильно. Сами цены, под влиянием различных факторов, отмечают несоответствие в спросе и предложении не немедленно и не вполне точно. Кроме того, изменение цен служит регулятором не непосредственно, а через отдельные предприятия, для которых сокращение и расширение производства представляется в иные моменты крайне затруднительным.

Такой «неисправимый апологет» капиталистического строя, как германский профессор Роберт Лифман, принужден следующим образом охарактеризовать капиталистическую систему регулирования производства: «Прежде всего очевидно, что эта, по видимости, великолепная и автоматически действующая система удовлетворения спроса связана с большим предпринимательским риском». «Отдельный предприниматель может легко ошибиться в оценке спроса потребителей и об'ема, в котором этот спрос еще остается неудовлетворенным. Он часто не знает, не могут ли другие предприниматели производить те же продукты лучше и дешевле. Кроме того, потребности могут меняться, возникают новые способы их удовлетворения и благодаря этому могут разориться целые отрасли промышленности. Далее, на почве колоссального прогресса современной техники возникают новые способы производства, благодаря этому могут быть потеряны миллионы, которые были вложены в прежние сооружения и оборудования». «Могут быть нецелесообразно употреблены огромные капиталы» и т. д.[1]).

Анархичность системы капиталистического хозяйства выступает, однако, наиболее ярко во время кризисов, потрясений всего капиталистического хозяйства, наступающих систематически, хотя через разные промежутки времени. «Капиталистическое производство осуждено двигаться в кругооборотах оживления и депрессии. Переход от одной фазы к другой носит критический характер[2]). Сущность кризиса заключается прежде всего в нарушении пропорциональности между производством и потреблением—в перепроизводстве товаров. Острота кризиса в значительной мере обуславливается тем, что продолжается быстрое расширение производства в то время, когда спрос постепенно начинает суживаться. Механизм капиталистического хозяйства не позволяет производителю, соприкасающемуся с потребителем лишь через длинный ряд посредников, немедленно обнаружить начало кризиса. Гильфердинг указывает справедливо на то, что помимо перепроизводства товаров, кризисы обостряются вследствие неизбежного перепроизводства капиталов и приостановки расширения производства, что еще больше сокращает сбыт товаров.

При этом, «перепроизводство, проявляющееся в более или менее острых промышленных кризисах, за которыми следуют более или менее продолжительные периоды промышленного застоя, представляет собою неизбежное следствие развития производственных сил в буржуазном обществе. Кризисы и периоды про-

---

[1]) Р. Лифман. «Формы предприятий».

[2]) Гильфердинг. «Финансовый капитал».

мышленного застоя, в свою очередь, еще более разоряют мелких производителей, еще более увеличивают зависимость наемного труда от капитала, еще быстрее ведут к относительному, а иногда и к абсолютному ухудшению положения рабочего класса» [1]).

Об'ективный анализ капиталистического хозяйства радикально разрушает иллюзию буржуазных экономистов о безболезненности регулирования народного хозяйства рынком.

Переходя к вопросу о роли государства в развитии народного хозяйства и в области регулирования промышленности, следует прежде всего отметить, что вся страстность борьбы с «вмешательством государства» обязана вопросу о законодательной охране труда. «Свобода труда» означает свободу эксплоатации. Вмешательство государства необходимо в целях введения в норму эксплоатации рабочего предпринимателем. В этом вопросе буржуазия, как известно, оказала самое решительное противодействие вмешательству государства и отражавшие ее идеологию буржуазные экономисты первой половины XIX века потратили много сил для доказательств бесполезности государственной охраны труда.

Здесь сыграло большую роль то обстоятельство, что в период слабости рабочего движения, буржуазия стремилась удешевить продукт за счет низкой заработной платы, а не за счет усовершенствования производства. Это стремление класса предпринимателей наткнулось на сопротивление рабочего класса. Оно было преодолено рабочим классом еще и потому, что в капиталистическом строе повышающаяся заработная плата — есть один из стимулов технического прогресса, тогда как низкая заработная плата, характеризующая экстенсивное капиталистическое хозяйство,— есть явление реакционное, задерживающее прогресс капиталистического народного хозяйства.

В результате, под давлением организованного рабочего класса и в период отказа капитализма от методов эпохи первоначального накопления, буржуазное государство стало на путь государственной охраны труда, а впоследствии и на путь регулирования условий труда. Само собою разумеется, что капиталистическое законодательство о труде ни в какой степени не подрывало ни одного из устоев капитализма [2]).

---

[1]) Программа РСДРП РКП (б).

[2]) Большую роль в успехах буржуазного законодательства о труде сыграло противоречие интересов отдельных групп буржуазии. Наиболее передовые крупнейшие производства имели дело с организованными квалифицированными рабочими и первые должны были пойти на уступки в отношении размера зарплаты и других условий труда. После таких уступок они были нередко заинтересованы в уравнении остальных предприятий (мелких) с ними в отношении условий труда.

Нужно указать, что капиталистические государства, обладая достаточно мощным аппаратом для оказания существенного влияния на отдельные отрасли промышленности, темп и подчас направление их развития, на практике никогда не отказывались полностью от регулирования промышленности.

Можно указать на четыре пути государственного регулирования промышленности в капиталистическом строе, не считая законодательства о труде:

1. Политика внешней торговли.

2. Налоговая политика.

3. Собственное государственное хозяйство и, главным образом, государственные заказы, и

4. Непосредственное регулирование промышленности.

Полезно более подробно проследить роль каждого из этих видов государственного регулирования.

В области политики внешней торговли важнейшим явлением следует считать протекционизм, сущность которого сводится к обеспечению тем или иным национальным группам капиталистов повышенной прибыли. Протекционизму, т. е. системе повышенных ввозных пошлин на продукты, производимые внутри страны, обязано развитие многих национальных отраслей промышленности. Ниже мы познакомимся с наиболее ярким примером положительного влияния протекционизма — развитием сахарной промышленности во многих странах, но можно указать на многочисленные примеры аналогичного характера и в других отраслях национальной, хотя бы российской, промышленности. В частности, русское машиностроение, так быстро развившееся в XX веке, обязано целиком протекционистским пошлинам, введенным правительством. Затруднение ввоза изделий иностранной промышленности не только помогает развитию национальной промышленности, но и привлекает повышенной прибылью иностранные капиталы в эти отрасли промышленности.

Впрочем, и буржуазная экономическая наука пришла постепенно к разработке конкретных проблем государственного вмешательства — в особенности протекционизма — тех форм вмешательства, которые, конечно, не противоречат капитализму, но являются лишь его развитием.

Нередко, протежируемые покровительственными пошлинами отрасли промышленности без помощи государства не имели бы никаких шансов укрепиться и выдержать конкуренцию с иностранной промышленностью, так как для их развития в данном государстве нет необходимых естественных условий. Это приводит к значительному вздорожанию товаров, переплатам потребителей на товаре, и, в конечном счете, к сокращению потребления его.

Благодаря теснейшей цепной связи между отдельными отраслями промышленности и каждой из них с сельским хозяйством, изменение ставок таможенных пошлин в одной отрасли может дать очень резкий эффект в другой (например, повышение ввозной пошлины на импортное сырье и топливо повышает себестоимость конечного изделия, производимого внутри страны).

Нередко протежирование государствами отдельных отраслей промышленности приводит к отрицательным, даже с точки зрения капитализма, последствиям. Это бывает в тех случаях, когда поощрительные ставки пошлин столь значительны, что совершенно обеспечивают высокие прибыли предпринимателей, даже при низком уровне техники. Такие факты общеизвестны. Так, до войны в России существовали высокие оградительные пошлины на металлы: на машины—23% (по ценности), на железо от 46 до 73%, на сталь—66%, на чугун—75% и т. д. Эти высокие пошлины позволяли русским уральским заводчикам продолжать производство устарелым способом. По этой причине, например, на Урале сохранялись долгое время доменные печи, действовавшие на холодном дутье, требующем топлива в три раза более, чем при горячем. Подсчитано, что вместо занятых на Урале в 1910 г. 142.486 человек рабочих, при нормальной для Запада технической постановке заводов и средней норме производительности труда, было бы достаточно 11.165 человек.

Влияние внешней торговой политики на развитие отечественной промышленности не ограничивается протекционизмом, т. е. формой обороны национальной промышленности. Капиталистическое государство влияет на развитие промышленности не только обеспечением за ней внутреннего рынка, но и захватом внешних рынков. Империализм — закон капиталистического строя на определенной ступени развития — вытекает из этого стремления к обеспечению национального промышленного капитала рынками сбыта и территорией для экспорта капиталов. С этой точки зрения, империалистические войны есть одно из средств государственного регулирования промышленности в капиталистическом строе [1]).

---

[1]) Здесь, как и в последующем изложении, нужно помнить о классовом характере капиталистического государства. Капиталистическое государство — есть система организации классового господства всего класса капиталистов (или иногда двух классов, как, например, феодалов и буржуазии в царской России после 1905 года). Тем не менее, правильно говорить о влиянии этого органа, представительствующего класс капиталистов, на отдельные группировки капиталистов внутри этого класса. Но, конечно, характер государственного регулирования промышленности в капиталистическом строе целиком вытекает из классовой сущности государства.

Продолжением политики империалистических войн является последующая «мирная» политика капиталистических государств по отношению к своим колониям и многочисленным полуколониальным государствам, разделенным на «зоны влияния» между капиталистическими гегемонами. В этих странах, пользуясь своей силой, промышленные государства отменяют всякие местные оборонительные пошлины на промышленные изделия, вырабатываемые доминионом, и тем самым, препятствуя развитию местной промышленности, расширяют рынок и возможности производства своей национальной промышленности. Как раз эта политика, проводимая Англией в своих колониях, вызвала недавно острый конфликт между различными группами капиталистов, обсуждавшийся на имперской конференции весной текущего года.

Что касается налогов, то их регулирующая роль общепризнана. Можно различить два рода последствий налоговой политики в области направления развития промышленности.

В одних случаях государство сознательно не ставит себе целей регулирования и исходит лишь из финансовых соображений. Тем не менее, в отдельных случаях, такая политика, независимо от намерений правительства, может радикально изменить обстановку работы промышленности. К этой группе фактов регулирования промышленности налогами относятся случаи установления таких систем взимания налогов, которые, в силу техники своей, принуждают промышленность итти по одному какому либо руслу. Так, например, в целях удобства учета подакцизных предметов, государство запрещает производство на мелких (кустарных) фабриках с числом рабочих ниже определенного минимума и тем способствует укрупнению производства, механизации производственных процессов. Сюда относятся также случаи чрезмерного обложения изделий промышленности налогами (чаще всего акцизами), сужающими потребление продукта, понижающими прибыли ниже обычной для капиталистического строя нормы и тем тормозящими приток новых капиталов в промышленность. Такой случай имел напр., место в Германии до войны в отношении спичечной промышленности. Благодаря высоте акциза, германская спичечная промышленность отстала в своем развитии. Германия до войны ввозила значительное количество спичек. После войны положение резко изменилось, с изменением налоговой политики и в настоящее

Приведем весьма интересное определение государства, данное недавно марксистом-исследователем природы государства Е. А. Энтелем, несколько расходящееся с общепринятым в марксистской науке: «Государство—есть организация собственников средств производства, имеющая целью сохранение существующей системы общественных отношений, как основы своего материального благополучия, посредством непрерывного и систематического преодоления сопротивления, оказываемого этой системе классом-антагонистом».

время германские спички в значительных количествах вывозятся за границу(главным образом, в Австрию).

В других случаях государство сознательно ставит своей целью при посредстве своей налоговой политики воздействовать на промышленность в определенном желательном ему направлении. Такие налоговые мероприятия применялись, например, в России в ряде производств (сахарном, табачном и др.), где акциз исчислялся по такой системе, при которой вводимые технические усовершенствования уменьшали сумму начисляемого акциза. В таких случаях акциз, как правило, стимулировал промышленников к техническим усовершенствованиям. Этими примерами, конечно, не исчерпываются пути налогового регулирования промышленности, они довольно разнообразны. Практикуется поощрение тех или иных видов производства путем ослабления налоговых тягот. Так, например, борьба с фосфорным спичечным производством, вредным для рабочих и огнеопасным, побудила русское правительство назначить на шведские бесфосфорные спички вдвое более низкий акциз, чем на фосфорные (1892 г.) и т. д. Или такой пример: царское правительство, в стремлении сохранить для русских сахаропромышленников высокие цены и прибыли, путем уменьшения годного сахара, имеющего поступить на рынок, устанавливало особые акцизные льготы при превращении сахара в такое состояние, при котором оно годно лишь для корма скота (денатурация).

Вообще же классовая система налогов в капиталистическом строе построена так, что все премии и льготы, предоставляемые государством предпринимателям, дополнительно оплачивают трудящиеся классы.

Влияние государства на промышленность, в силу того, что оно является крупнейшим потребителем, совершенно неизбежно. Капиталистическое государство целиком использовывает свои заказы для увеличения прибылей тех групп капиталистов, от которых оно находится в большой зависимости. Государственные заказы могут приобрести огромное влияние на промышленность. Во многих случаях государство сознательно создает целые отрасли производства в своей стране, вместо того, чтобы пользоваться иностранными фабриками. Так было, например, в России с производством рельс. В 1869 году правительство заключило договор концессии с иностранцем об организации рельсового завода в Южной России (Бахмут), предоставив ему преимущественное право госзаказов и установив особую премию за производство рельс. В 1886 году так называемым «высочайшим повелением» было приказано размещать правительственные заказы для железных дорог внутри страны, какими бы затруднениями это не сопровождалось. В 1867 году правительство установило ряд льгот рель-

совым заводам: 1) премию пропорционально производству, 2) гарантию заказов, 3) запрещение ввоза рельс и пр. В результате, существовавшие рельсовые заводы перешли на производство стальных рельс и возникло 4 новых завода.

Кроме этого, капиталистическое государство ведет свое собственное промышленное хозяйство, хотя и в очень ограниченных размерах. Естественно, что, обладая собственными заводами, железными дорогами, государство оказывает некоторое экономическое давление на рынок соответствующих отраслей промышленности и транспорта, хотя бы в области цен. Однако, в нормальных условиях капиталистического строя собственное государственное хозяйство играет ничтожную роль в народном хозяйстве страны. В большинстве случаев это либо заводы, работающие на специальные государственные нужды (например, военные), или предприятия, организация которых оказалась не под силу частной инициативе (например, крупные железные дороги). Впрочем, и этого типа государственное хозяйство во многих государствах отсутствует (например, в довоенной Англии). Собственное государственное хозяйство получило относительно широкое развитие во время войны (как мы это покажем дальше), когда были нарушены нормальные условия развития капитализма. После войны это разросшееся государственное хозяйство было в значительной части ликвидировано.

Наконец, капиталистическому государству знакомы методы непосредственного регулирования промышленности, хотя они и используются им в очень редких случаях. К таким случаям относятся: принудительные синдикаты калийных солей в Германии, закон о нормировке сахарного производства в России, Брюссельская сахарная конвенция, существовавший одно время запрет производства фосфорных спичек и др.

Остановимся подробнее на законе о нормировке сахарного производства в России. Сахарозаводчики сами возбудили вопрос о государственном регулировании производства. Целью регулирования для них было гарантирование высоких внутренних цен на сахар, каковые могли иметь место лишь при резком ограничении производства и искусственном недостатке сахара. Существовавшие между сахарозаводчиками соглашения о размерах выработки не всегда проводились в жизнь участниками синдикатов (в особенности, в моменты ухудшения экспортной коньюнктуры). Царское правительство нашло доводы промышленников достойными внимания и приступило к регулировке сахарного производства 20-го ноября 1895 года на следующих основаниях: правительство устанавливает общую годовую норму производства сахара, выпускаемого на внутренний рынок. На основании этой цифры устанавливается доля каждого завода в производстве, все излишнее ко-

личество сверх этой нормы, выпущенное на внутренний рынок, подлежит оплате дополнительным налогом в размере 1 р. 75 к. с пуда. Кроме того, заводы обязаны выделить неприкосновенный фонд сахара, который поступает на внутренний рынок в случае чрезмерного повышения цен. Нормы производства сахара постепенно повышались правительством, однако, оставались «голодными» и всегда обеспечивали заводчикам высокую прибыль. Размер прибыли был необычайно высок. По официальным исчислениям себестоимость сахара достигала 3 руб. 53,5 коп., а продажная его цена 4 руб. 66 коп.—4 руб. 46 коп. На Киевской бирже заключались сделки на переуступку одного лишь голого права выпуска на внутренний рынок сахара по цене за пуд 1 руб. 28 коп. Фактическая прибыль была, очевидно, еще выше. Помимо нормировки производства, высокие прибыли сахарозаводчиков были обязаны запретительным ввозным пошлинам на сахар-сырец (4 руб. 50 коп.) и на рафинад — (6 руб.). В этом примере особенно ярко выступает характер государственного регулирования в капиталистическом строе.

Так называемая, Брюссельская сахарная конвенция являет собой редкий случай международного соглашения о государственном регулировании частной промышленности. Обстоятельства, вызвавшие заключение такого международного соглашения о регулировании сахарной промышленности, были таковы: свеклосахарное производство, явившееся на смену тростниковому, возникло во Франции в 1799 году. Вследствие выгод этого производства (и для промышленности и для сельского хозяйства), а также благодаря существованию континентальной системы при Наполеоне, затруднявшей ввоз тростникового сахара в Европу, сахарная промышленность быстро развилась на континенте. Все государства протежировали отечественному сахарному производству, устанавливая для него различные льготы, охраняя его свирепыми таможенными ставками. Это вызвало усиленный приток капиталов к сахарной промышленности. Желая усилить развитие сахарной промышленности и обеспечить сахарозаводчикам получаемый ими высокий размер прибыли, государства создали целую систему мер поощрения экспорта сахара. Во многих странах это приняло совершенно нелепые формы. Так, в России, как указывалось выше, внутри страны поддерживались высокие цены на сахар и в то же время всячески форсировался экспорт сахара по ценам исключительно низким. В последнем десятилетии XIX века экспортные цены составляли 1 руб. 40 коп.—1 руб. 20 коп., а в последующие годы были еще ниже, тогда как себестоимость сахара (без акциза) никогда не была ниже 1 руб. 60 коп., а по большинству заводов была значительно выше. Таким образом, вывоз сахара у нас совершался с убытком и, между тем, проходил в огромных количествах (12—15 милл. пудов). Смысл вывоза сахара по низким

ценами заключался в возможности выручки колоссально высоких прибылей внутри страны. Стремясь к расширению производства, фабрикант, благодаря системе правительственных мероприятий «кормил англичанина дешевым сахаром, взимая двойную плату с русского потребителя». Аналогичные системы царили в других странах—производительницах сахара. В Германии вместе с нормировкой сахарного производства были установлены прямые экспортные премии. Во Франции сумма выплаченных экспортных премий превысила сумму, вырученную от акциза на сахар. Брюссельская конвенция была заключена с целью прекращения этого ненормального положения. Государства, подписавшие ее, обязались отменить всякую выдачу премий за экспорт сахара. Кроме того, был установлен максимальный предел покровительственной пошлины на сахар. Наконец, государства, подписавшие конвенцию, обязались применить по отношению к государствам, сохранившим экспортные премии, повышенные ставки пошлины. По смыслу конвенции запрещались все без исключения виды экспортных премий, даже так называемые скрытые премии.

Уже по приведенным выше примерам можно установить характерные особенности прямого и косвенного регулирования промышленности государством в капиталистическом строе.

1. Первая и основная черта этого регулирования—это отсутствие широкой системы планирования промышленности. Регулирование промышленности протекает от случая к случаю. Весьма часто регулятивные последствия государственных мероприятий не являются целью правительства и даже наступают для правительства неожиданно. Государственное регулирование при «нормальном» капитализме радикально лишено всяких элементов общепромышленного плана. Капиталистическое государство в нормальной обстановке ни в какой мере не пытается разрешить проблемы устранения анархичности хозяйства, вообще неразрешимой для капиталистического хозяйства.

2. Другой чертой, принципиально отличающей государственное регулирование при капитализме от государственного регулирования промышленности в период диктатуры пролетариата, является капиталистическая основа этого регулирования. Основы капитализма в регулируемой промышленности не только сохраняются, но в огромном большинстве случаев еще создаются специальные условия для превышения нормального уровня предпринимательской прибыли. Параллельно с этим, выступает полное пренебрежение интересами потребителей во имя интересов предпринимателей. Самые пределы льгот отдельным группам промышленников определяются интересами других групп капиталистов или боязнью таможенной войны с соседними капиталистическими странами.

3. При всем том, приходится констатировать, что для воздействия на отдельные отрасли промышленности для изменения темпа и направления их развития в руках капиталистического государства, т. е. класса капиталистов в целом, находится огромная сила. В виду этого, никакие экономические теории невмешательства, позиции которых ко II половине XIX века были, впрочем, сильно ослаблены, не могли удержать государство от использования своей экономической силы, в целях регулирования промышленности. Что же касается государственного регулирования условий труда, то к этого рода вмешательству капиталистическое государство было вынуждено опасностью социальной розни и усилением организованности рабочего класса.

ГЛАВА II.

Регулирование промышленности со стороны частнохозяйственных монополий.

Мы видели выше, как не соответствует действительности капиталистического строя та идеальная система народного хозяйства, никогда не существовавшая в жизни, которая была построена буржуазными экономистами XVIII и начала XIX веков в своих ученых трудах.

Выше мы показали, что в нормальных условиях капиталистического строя, народное хозяйство регулируется рынком. Показателем неизбежной для капиталистического строя периодической диспропорциональности спроса и предложения, являются рыночные цены. Рыночные цены приобретают для капиталистического строя особенное важное значение, но «об'ективный закон цен прокладывает себе путь исключительно через конкуренцию [1]). Выше указывалось, какую чудодейственную роль приписывали ранние буржузные экономисты свободной конкуренции («Роль конкуренции в мире экономическом равносильна роли солнца в мире физическом»), и какова ее фактическая регулятивная роль.

«Цель капиталистического производства — прибыль... Индивидуальный капиталист может отстаивать свою позицию лишь при условии, если он постоянно стремится получить превосходство над конкурентом... и поднять свою прибыль выше среднего уровня. Суб'ективное стремление к возможно высокой прибыли, одушевляющее всех индивидуальных капиталистов, приводит к такому об'ективному результату, как установление равной нормы прибыли для всех капиталистов. Этот результат осуществляется... постоянным приливом капитала в такие сферы, где норма прибыли выше, и отливом из таких, где норма прибыли ниже. *Но эти постоянные приливы и отливы капитала наталкиваются на препятствия, возрастающие с уровнем капиталистического развития* [2]).

Такими препятствиями являются: общая концентрация капиталов, увеличение в промышленности доли постоянного капитала, технический прогресс, требующий для экономного эффекта одновременной огромной затраты капитала. Приведем пример: нор-

---

1) Гильфердинг. «Финансовый капитал».

2) Там же.

мально экономная доменная печь стоила в 1852 году 40.000 талеров—10.000 марок за 1 тонну суточного производства, в 1887 г.—1.000.000 марок при стоимости 1 тонны суточного производства 5—6.000 марок и в 1910 году—6 миллионов марок при дальнейшем понижении стоимости 1 тонны [1]).

При невозможности быстрого пульсирования капитала, образуются условия для понижения нормы прибыли. В противодействие этой тенденции наиболее сильные капиталами отрасли промышленности приходят к уничтожению свободной конкуренции, к установлению монополий.

Параллельно, в том же направлении действуют интересы банковского капитала. «Картелирование делает отношения между банками и промышленностью еще более тесными и в то же время распоряжение капиталами, вложенными в промышленность, все более переходит к банкам. Дело в том, что картелирование вносит большую устойчивость и равномерность в доходность картелированных предприятий. Устраняется страх конкуренции. Благодаря этому, курс акций соответствующих предприятий повышается, а это знаменует повышенную учредительскую прибыль при всяком новом выпуске акций. Безопасность помещения капитала увеличивается. Это позволяет банкам еще больше расширить промышленный кредит и, таким образом, увеличить свою прежнюю долю в прибылях промышленности». И действительно, в конце XIX и начале XX века сфера действия свободной конкуренции значительно суживается. В большом числе отраслей промышленности организуются монополии. Ленин в своей брошюре «Империализм, как новейший этап капитализма» отмечает следующие основные этапы истории монополий: «1.) 1860 — 70 г.г. высшая предельная ступень развития свободной конкуренции; монополии лишь едва заметные зародыши, 2) после кризиса 1875 г. широкая полоса развития картелей, но они еще исключение, еще не прочны. Они—еще преходящее явление; 3) под'ем конца XIX века и кризис 1900 — 1903 г.г. — картели становятся одной из основ всей хозяйственной жизни. Капитализм превратился в империализм».

Параллельно с концентрацией промышленного капитала идет сильнейшая концентрация финансового капитала и то, что Н. Бухарин называет «срашиванием банковского и промышленного капиталов и превращением банков в универсального характера учреждения». В своей брошюре Ленин приводит пример сферы распространения прямого влияния на промышленность банковского

1) Впрочем, в последнее время научные деятели и практики организации производства (среди последних Генри Форд) выставляют утверждение, что существуют ограниченные пределы величины предприятий, за которыми экономность их убывает. Это, конечно, не касается концентрации промышленности в трестах, картелях и т. д.

капитала: В Германии перед войной шесть крупных берлинских банков были представлены через своих директоров в 344 промышленных обществах и через своих членов правлений еще в 407, итого в 751 обществе. В 289 обществах они имели либо по два члена наблюдательных советов, либо места их председателей. Каждый из шести банков в 1895 по 1910 г. участвовал в выпуске акций и облигаций многих сотен промышленных обществ, именно от 281 до 419. Система финансового капитала такова, что, благодаря так называемым «обществам дочерям» (и «внучкам») с капиталом в 1 миллион рублей, можно контролировать финансовые организации с капиталами в 8 и даже 16 миллионов рублей.

Картелирование порождает усиление дальнейшей концентрации капиталов. О темпе концентрации капиталов в последнее время дает наглядное представление история знаменитого концерна Гуго Стиннеса.

«Среди группировок тяжелой индустрии Германии концерн Стиннеса заслуживает бесспорно наибольшего внимания, прежде всего, в силу той исключительной всесторонности размаха, энергии и последовательности, которые проявляет возглавляемая Стиннесом группа капиталистов» [1]). Стиннес начал с организации своей фирмы в угольной промышленности. В 1901 году он создал Германо-Люксембургское Общество горных заводов и доменных печей с капиталом в 1 миллион марок. Это общество присоединяет к себе одни за другими угольные копи, железные рудники, доменные печи, прокатные заводы. В числе присоединенных обществ находились значительные комбинаты. К началу войны Стиннесовское предприятие сделалось трестом с 45.000 рабочих и с 5-ю отделениями: 1) 12 рудников с подсобными предприятиями, 2) железные рудники и доменные печи (10), сталелитейный и прокатные заводы, 3) комбинат Дортмунтский Унион по постройке мостов, вагоностроительные и другие заводы вместе с рудниками, 4) Мюльгеймские заводы—железные рудники, доменные печи, литейные и машиностроительный завод и 5) заводы Эмден—колоссальные верфи.

Ко времени войны общество Стиннеса увеличило свой капитал с 1 до 100 миллионов марок.

После войны главная часть рудников и заводов Стиннеса перешла к Франции. Полученные от германского правительства средства Стиннес обратил на скупку заводов. Скупив ряд заводов, Стиннес связывается с рядом акционерных обществ и об'единяется с Гильзенкирховским Горнозаводским Обществом — одним из крупнейших предприятий, состоящим из рудников и многочислен-

---

[1]) Л. Берг. «Социалистическое хозяйство», № 4—6.

ных заводов. Вслед за этим Стиннес приобретает комбинат „Bochumer Verein“ с 18 тыс. рабочих и вступает в договорные отношения с новым большим металлургическим предприятием. В 1920 году концерн Стиннеса об'единяется с колоссальным концерном Сименса в электротехнической промышленности (помимо электротехнических заводов,— трамваи, газовые заводы и т. д.). Общее число рабочих в концерне Стиннеса достигает уже 200.000 человек.

Стиннес приобрел огромные леса, ряд механических заводов, завоевал монопольное положение на рынке древесной массы, сосредоточил у себя торговлю сельско-хозяйственными машинами и удобрительными веществами, бумагой. Стиннес купил два издательских дела, ряд газет, приобрел ряд крупнейших гостиниц во всей стране.

В то же время Стиннес овладел двумя промышленными банками.

Помимо этого, Стиннес организовал третью по своей величине в мире судоходную кампанию и параллельно с ней расширил верфи.

В нефтяной промышленности Стиннес организовал недавно трест по добыче нефти из бурого угля, к которому уже присоединены им несколько нефтяных предприятий.

За границей Германии Стиннесу принадлежат значительные предприятия: например, в Австрии крупнейшее металлургическое предприятие Европы «Альпинер Гезельшафт» (2.300.000 тонн железной руды), в Верхней Силезии — три предприятия, в Венгрии — акции машиностроительных заводов, в Аргентине — хлопковые плантации и т. д.

Монопольные об'единения предпринимателей являются, с одной стороны, следствием концентрации капиталов, а с другой стороны—они сами усиливают процесс концентрации. Это вытекает из самой сущности монополий. Их цель—сопротивление рынку, прекращение конкуренции внутри себя, обеспечение определенных размеров сбыта, повышение цен и в целом, конечно, повышение прибыли индивидуальных участников монополии. Существование монополий приводит к тому, что на немонополизированные отрасли промышленности перекладывается основная тяжесть обычного перепроизводства. На этой фазе своего развития капитализм переходит к несвойственным ему в первый период попыткам регулирования промышленности. *И если, в условиях нормального капитализма хозяйство регулировалось исключительно рынком, исключительно конкуренцией, то теперь в господствующую еще систему свободных рыночных отношений вкрапливаются элементы плана. Однако, это даже не зачаток обще-хозяйственного плана, имеющего основной целью планомерное, с наименьшей*

затратой энергии, удовлетворение общественных потребностей. Это — план конкурирующих между собой, укрупненных иногда до размеров целой отрасли промышленности, предприятий, борющихся за увеличение своей прибыли.

Притом, монополии ни до войны, ни теперь, не проникли во все отрасли промышленности; во многих же из тех отраслей, в которых организованы крупнейшие об'единения, они продолжают конкурировать между собой; наконец, в огромном большинстве отраслей промышленности сохранилась сильнейшая конкуренция национальных монополий [1]).

С регулированием промышленности изнутри не государством и не рынком, а капиталистическими об'единениями, надлежит познакомиться поближе.

Регулирование трестами, картелями, синдикатами и др. типами монополий об'единяемой ими промышленности включает в себя, обычно, следующие моменты: 1) контингентирование производства, 2) районирование сбыта, 3) нормировку цен и прочих условий реализации товара, 4) нормировку потребления сырья, 5) нормировку условий труда.

Наиболее элементарным проявлением такого рода регулирования является соглашение всех или части предпринимателей данной отрасли промышленности относительно продажных цен. Обычно эта форма планирования промышленности предпринимателями имеет место при начале укрепления монополистского течения в промышленности. Она предполагает, конечно, отсутствие в данной отрасли промышленности единого монопольного предприятия (треста).

Подобным примером конвенции о продажных ценах может служить один из первых синдикатов в России—синдикат гвоздильных и проволочных заводов, организованный в 1886 году в Петербурге между шестью фирмами немецкого происхождения. Цель синдиката, согласно его устава, сводилась к следующему: «путем установления общих продажных цен, привести цены на проволоку, гвозди и т. д. в должное соотношение к стоимости производства, задержать происходившую в последнее время конкуренцию и тем поставить торговлю этими предметами и производство их снова на прочную почву». Конвенция эта скоро распалась; позже возникли в том же производстве новые конвенции и организовывались новые синдикатские организации [2]).

---

[1]) Н. Бухарин развивал в 1919 г. в журнале «Народное Хозяйство» ту точку зрения, что капиталистическое национальное хозяйство уже превратилось «из иррациональной системы в рациональную организацию». «Конкуренция и анархия сохранились и даже углубились в мировом хозяйстве». Это указание относительно капиталистического хозяйства в национальном масштабе, конечно, преувеличено.

[2]) Цыперович. Синдикаты и тресты в России. 1919 г.

Сходный пример можно привести из опыта мукомольной промышленности за границей, в Германии, где в 1901 году возникло специальное соглашение между предпринимателями об условиях продажи своей продукции, заключавшее в себе:

1. Способ установления цены (например, 100 п. брутто без мешков),

2. способ платежей (скидки, кредит),

3. разделение на сорта,

4. сроки поставок,

5. условия понижения цен,

6. место выполнения обязательств и

7. способы разрешения споров между участниками соглашения (третейский суд) [1].

Можно указать еще на тайный синдикат русских заводов, занимающихся сооружением мостов (1911 г.), куда вошли Путиловский, Сормовские, Брянские и Коломенский заводы. Синдикат установил обязательные цены для всех участников и распределял прибыль от всяких мостостроительных операций. Строгое выполнение всех условий было обеспечено гарантиями (штрафные векселя).

«Но цены не есть нечто произвольное: они зависят, прежде всего, от спроса и предложения. Простое соглашение относительно минимальных цен можно провести лишь в период оживления промышленности, когда цены обнаруживают повышательную тенденцию и предложение не покрывает спроса. Однако, и тогда чистое соглашение только о ценах недостаточно. Повышающиеся цены соблазняют к расширению производства, предложение повышается; в конце концов оказывается невозможным соблюдать соглашение, а потому, при наступлении депрессии, такой картель обыкновенно взрывается» [2].

Для того, чтобы укрепить положение картеля и продлить временные соглашения о ценах, картель должен в полной мере овладеть рынком. Для этого нужно подвести базу под картельное соглашение. Наиболее типичным средством является контингентирование производства. Действительно, поскольку цена определяется соотношением спроса и предложения, не может быть более простого способа повышения цен, как искусственное сокращение предложения. Примеров ограничения размеров производства монополистическими об'единениями множество. Если соглашение о минимальных ценах является первой ступенью монополии, то нормирование производства, как мы показали, является выте-

---

[1] П. Парфеньяк. «Очерки концентрационного движения промышленности». 1924 г.

[2] Гильфердинг.

кающим из нормирования цен—второй ступенью лестницы к монополии. Для иллюстрации остановимся хотя бы на опыте соляных синдикатов в России.

В борьбе с конкурентами синдикат «Океан» пользовался приемами, которые показывают, что его руководители прошли хорошую школу синдикатской практики[1]). Так, например, на осенних торгах 1914 года на соляные участки им была устроена следующая комбинация: 53 соляных участка с производительностью в 7.000.000 пудов были заарендованы у казны тремя лицами по небывалой цене 30—40 рублей попудной платы (за 1.000 пудов), тогда как раньше она не превышала 16 рублей. При нормальных условиях такая арендная плата принесла бы один убыток. Оказалось, что это синдикат «Океан» через подставных лиц скупил эти участки за 75.000 рублей и к разработке участков намеренно не приступил, лишив рынок 20% обычной соли. Эта операция позволила «Океану» поднять на 25—30% цену на соль и покрыть свои расходы прибылями в 300—400%.

Та же картина отмечается в целом ряде других производств, захваченных монополистским движением. Выше мы указывали на нормирование производства в сахарной промышленности, исходившее от промышленников и впоследствии по их настоянию подтвержденное правительством. При нормировании производства сахарной промышленности ясно проявлялась тенденция отставания норм производства от фактической потребности страны. Аналогичное явление отмечалось, например, в угольном русском производстве. Наиболее могущественный угольный синдикат—Продуголь, а параллельно с ним 3 остальных синдиката (Черемховский, Забайкальский и Домбровский) твердо установили нормы производства для своих участников, т. е. по меньшей мере для 80—90% всего угольного производства. Они «в течение короткого времени поставили весь внутренний рынок перед хроническим недопроизводством, сопровождавшимся беспрерывным повышением цен на уголь, и, в конце концов, доведшим страну до угольного голода, как раз к моменту об'явления войны» [2]). В Египте синдикат плантаторов постановил в 21 г. сократить засев хлопка на ⅓ и заставил правительство издать декрет, по которому не больше ⅓ землевладения может использоваться под культуру хлопка. Ассоциация резиновых плантаторов добилась соглашения с другой крупной организацией—ассоциацией владельцев резиновых секций о сокращении добычи на 50% и стремится систематически сокращать производство в дальнейшем [3]). В стремлении повлиять на повышение цен путем искусственного сокращения предложения, монополистические об'единения доходили в некоторых случаях

[1]) Цыперович. «Синдикаты и тресты».
[2]) М. Рубинштейн. «Концентрация капитала».
[3]) Там же.

до такого абсурда с народно-хозяйственной точки зрения, как до уничтожения (сожжения) значительной части запасов товара с целью сохранения повышенных цен на другую часть запасов.

Дальнейшая концентрация капиталов (в частности, усилившаяся роль банков) и стремление к обеспечению прибыли путем прекращения конкуренции между собой, побуждает предпринимателей расширять права создаваемых ими монополистских об'единений и ограничивать свою индивидуальную самостоятельность.

Не ограничиваясь соглашением о ценах и нормировкой пределов производства, монополистские об'единения—синдикаты—приобретают ряд прав в области реализации продукции. Наиболее полной формой такого синдикатского соглашения, сохраняющего все же самостоятельность участников, является передача синдикату всех функций по реализации товара внутри и вне страны, а также по размещению заказов. Таким синдикатом является, например, Рейнско-вестфальский угольный синдикат в 1903 г., об'единивший 98,2% добычи Рура (67,2 милл. тонн). В России в 1901 г. организовался синдикат джутовых фабрик, об'единивший 12 предприятий и централизовавший продажу производимых ими изделий по ценам, периодически устанавливаемым синдикатом.

Однако, еще более распространены промежуточные типы синдикатных соглашений, в силу которых синдикат получает права по контролю торговли отдельных своих членов, или право параллельной с членами синдиката торговли их продукцией в качестве привилегированного комиссионера, или право распределения между участниками рынков сбыта и т. д.

Примеры распределения районов сбыта между участниками монополистского об'единения весьма многочисленны. Например, железоделательный картель во Франции (железные балки), организовавшийся в 1892 г., разделил Францию на несколько районов, из которых один район, в котором французские предприниматели встречались с иностранными конкурентами, был оставлен намеренно для свободного выступления участников картеля. В российской практике можно привести пример конвенции между тремя пароходовладельческими компаниями «Ропит», «Древицкий» и Российское Общество Пароходства), разделивших между собой пароходство по Азовскому и Черному морю. Повышение стоимости фрахта в результате этой конвенции вызвало бурные протесты со стороны грузоотправителей.

В этой своей роли монополии могут играть значительную роль, как регуляторы торговли, устраняя до известной степени нерациональный завоз товаров для реализации в один и тот же район, как из прилегающих фабрик, так и издалека, или внося нивеллирующее начало в область торговли, или сокращая торго-

вые расходы, путем концентрации торговли в одних руках. Кроме того, эта деятельность монополий создает несколько более твердый фундамент для работы синдицированных предприятий., ограждая их от случайностей ничем не сдерживаемой конкуренции.

Дальнейшее развитие монополий—слияние предприятий в одно целое (трест). К наиболее распространенному виду горизонтального трестирования (об'единение однородных предприятий: рудников между собой или металлических трестов между собой и т. д.) присоединяется теперь трестирование по вертикали, например, металлообрабатывающее предприятие и угольные копи). Последний вид комбината—треста представляется наиболее устойчивым, ибо он, как будто, в минимальной степени подвергается влиянию монополистских об'единений в других подсобных отраслях промышленности. Здесь не ставится вопрос о плановом начале в таком предприятии, ибо оно и является производственной единицей, внутри которой (как и внутри единичного капиталистического предприятия) план осуществляется в полной мере.

Не ограничиваясь национальным масштабом, капиталистические об'единения пытаются поделить между собой мировой рынок. Так, организованный в 1904 г. международный рельсовый трест об'единил большинство национальных трестов и поделил рынки: Северную Америку предоставил монопольно американскому тресту, Южную Америку—совместно 4 государствам Европы, германскому тресту—Швецию и Норвегию, бельгийскому и английскому—колонии и т. д. Две мировые электротехнические компании германская и американская поделили все мировые рынки между собой в 1907 году. Общеизвестно колоссальное влияние, которое имеют на рынок и на политику империалистических держав конкурирующие между собой две мировые нефтяные компании. После войны это течение захватило даже такие малозначительные отрасли промышленности, как спичечная, где в 1923 г. организовалась мировая конвенция спичечных синдикатов (контрольный пакет акций—у шведского спичечного синдиката).

Основная цель монополистских организаций — подчинение себе рынка, страховка от периодов депрессии, предотвращение конкуренции и, в конечном счете, достижение повышенных прибылей [1]). Стремление к повышению доходности предприятий толкает предпринимателей не только к концентрации производства, централизации торговли и т. д., но и, в первую очередь, к регулированию вопросов труда в своей отрасли промышленности, т. е. к усилению эксплоатации рабочих, обороне против «несправедли-

[1]) Как мы видели, в силу основных законов капиталистического строя, увеличение прибыли синдицированных отраслей промышленности достигается, главным образом, за счет прибылей несиндицированных предприятий или необ'единенных в одно целое отраслей промышленности.

вых» требований рабочих. Об'единение усилий предпринимателей для борьбы с экономическими требованиями рабочих—один из стимулов к об'единению предпринимателей между собой и, во всяком случае, прямое следствие такого об'единения. П. Б. Струве прямо заявляет, что «многие картели возникали на почве совместной борьбы предпринимателей с требованиями рабочих». Известно, что в России организация союзов предпринимателей для защиты своих «профессиональных» интересов особенно участилась после 1905 года, который обострил классовую борьбу рабочих с предпринимателями и быстро заставил российских фабрикантов смахнуть с себя прежний налет радикализма. Но одновременно, после 1905 года, усилилось также монополистское движение в промышленности и вместе с ней, опираясь на наступившую реакцию, усилилась борьба об'единенных в синдикаты и картели предпринимателей с рабочими.

Формы регулирования монополистскими организациями условий труда в своем производстве не оригинальны. Самое регулирование не касается деталей, а имеет целью создание единого фронта всех предпринимателей против основных требований рабочих (рабочее время, зарплата), и активную борьбу с рабочими организациями и их основным орудием экономической борьбы—со стачкой.

В борьбе с требованиями рабочих монополистские организации сильнее обычных «профессиональных» об'единений предпринимателей, но осуществляют те же самые испытанные капиталистами в классовой борьбе мероприятия. В случае открытых конфликтов: — черные списки бастующих и прочих бунтарей-рабочих, которые не принимаются на работу ни в одном предприятии, входящем в состав об'единения[1]), взаимное страхование предпринимателей от забастовок; содержание специальных штрейбрехерских организаций, на случай забастовки, локауты и т. д.; в условиях «мирного» регулирования: установление максимальной оплаты труда, которые члены об'единения не могут под страхом репрессий, превзойти, единые коллективные договоры (за границей) и т. д.

Наконец, следует вспомнить еще об одной регулятивной функции монополистских об'единений, внешне проявляющейся в факте наглядного сращения крупнейших наиболее мощных монополистских об'единений (синдикатов, трестов, концернов) с

[1]) Вот текст одного из пунктов устава предпринимательской организации в типографском деле в Москве. «Если при передаче заказа бастующей фирмы рабочие мастерской, куда переходит заказ, откажутся от его выполнения, то отказавшиеся увольняются, а мастерские причисляются к бастующим. Уволенные рабочие не могут быть приняты ни в одну мастерскую, принадлежащую члену организации».

капиталистическим государством, т. е. организацией всего класса капиталистов. Внутренняя и внешняя политика капиталистического государства определяется в последнее время интересами именно этих наиболее мощных группировок капиталистов, которые, таким образом, воплощают в себе всю организованную волю своего класса.

Этому нисколько не противоречат существующие во многих странах законы, направленные против монополистских организаций. Эти законы в развитых капиталистических странах—фикция, служащая целям лишнего доказательства мнимой «внеклассовости» государства, защищающего народ от хищничества капиталистов. Достаточно указать, что именно в Америке, в стране, где вся экономическая и политическая жизнь в максимальной мере подчинена воле и интересам магнатов капитала, руководящих крупнейшими явными и тайными монополистскими об'единениями,—в Америке во многих штатах до сих пор формально, для успокоения общественного мнения, существуют законы, ограничивающие права промышленных коалиций.

Многочисленные примеры доказывают, что капиталистическое государство—организация капиталистического класса—не борется на практике с монополистскими об'единениями. Кроме всего прочего, такая борьба с монополистскими организациями на почве капитализма вообще невозможна и экономически целесообразна, так как они они являются продуктами естественного развития капитализма, здоровой, с точки зрения капитализма, тенденцией к концентрации капитала. Несколько более реальна почва для борьбы с капиталистическими монополиями в мелкобуржуазных странах, где средний и мелкий капитал этими мероприятиями обороняется от крупного капитала, в большей части иностранного. (Таково, пожалуй, происхождение закона против «стачки предпринимателей для повышения цен» в царской России). Но и в этих странах борьба с монополистскими об'единениями обречена на неудачу, так как во всех мелкобуржуазных странах развивается капитализм и, кроме того, монополистические организации в мелкобуржуазной стране опираются на поддержку мощного иностранного индустриального капитализма.

Как пример влияния капиталистических организаций на государственную политику, можно указать на «Комитет Тяжелой Индустрии» [1]) Франции, фактически руководивший рурской оккупацией и вообще империалистической политикой Франции. Обще-

---

[1]) В последнее время Comite des forges превращается из профессиональной предпринимательской организации в монополистское об'единение с функциями в области установления цен, размещения заказов и контингентирования производства.

известна роль мировых нефтяных трестов в возникновении всякого рода империалистических войн и конфликтов между государствами. Можно указать также в Германии на Союз германской индустрии, вмешивающийся во все важнейшие вопросы политической жизни страны: репарации, государственную финансовую политику и т. д. Эту организацию называют «побочным правительством» и она, судя по нижеследующему заявлению ее председателя, открыто претендует на управление государством: «мы люди практики не должны предоставлять руководителям государства—парламентариям и общественным работникам заботиться о германском хозяйстве. Мы должны сами работать неустанно над подготовкой законов, руководством государства и воспитанием народа» [1]).

И так как в современных «демократических» государствах фактическое управление буржуазии государственным механизмом в своих классовых целях нуждается в фиктивной санкции:—согласии «общественного мнения», то именно монополистские об'единения несут на себе преимущественные заботы по обработке этого общественного мнения. Приведем несколько цифр, характеризующих эту сторону деятельности предпринимательских об'единений.

В Соединенн. Штатах Америки около 17.000 газет и еженедельников находится всецело во власти капиталистических трестов; кроме того, 375 крупных предприятий и фирм издают специальные органы для своих рабочих и служащих. Грандиозное предприятие, — «Об'единенная пресса» еще в 1914 году снабжало всеми новостями 900 крупнейших газет с 30 миллионами читателей. Непокорные газеты лишаются телеграфных сведений и, будучи не в состоянии создать себе собственный аппарат информации, требующий огромных капиталов, вынуждены сдаваться на милость победителя. Другим орудием воздействия на прессу являются об'явления, без которых, как известно, не может существовать ни одна газета. Особый газетный трест Герста снабжает разнообразными видами литературы 7 миллионов читателей. В Англии газетному тресту Нортклифа принадлежат 75 газет, в том числе «Дэйли Мейл» с 2-х миллионным ежедневным тиражем и в последнее время «Таймс» и «Пэл-Мэл» (вечерняя газета с максимальным в Англии тиражем). В Германии по некоторым подсчетам Стиннесу принадлежало 138 газет. Во Франции вся буржуазная пресса, как правило, продажная и контролируется предпринимательскими организациями, причем в последнее время наблюдаются зачатки газетного треста во главе с Коти, королем парфюмерии [2]).

---

[1]) М. Рубинштейн. «Концентрация капитала».

[2]) М. Рубинштейн. «Концентрация капитала».

Теоретически[1]), процесс картелирования может закончиться созданием единого картеля. В этом случае, частное индивидуальное предприятие вырастет до пределов целого государства или, если угодно, народное хозяйство (по крайне мере, промышленность) в пределах государства (а потом и мира!) превратится в единое предприятие капиталистического типа, сохраняющее прибыль, эксплоатацию труда и осуществляющее (как в единичном предприятии) единый план. Практически же это предположение совершенно утопично, ибо, помимо трудности создания картельного соглашения между столькими различными группами предпринимателей, социализм гораздо раньше использует аппарат концентрированного капитала.

Анархичность капиталистического хозяйства выражается в периодических кризисах. Монополистские об'единения неспособны предотвратить кризисы вследствие следующих причин. Картели идут за рынком в отношении цен в периоды повышательной кон'юнктуры, т. е. повышают их. К этому они принуждаются, так как, если бы цены не повысились наравне с ценами других отраслей промышленности, то из картелей начал бы отливать капитал. Тогда в некартелированных отраслях промышленности было бы перепроизводство, в картелированных—недопроизводство и вследствие этой диспропорциональности—кризис. Если же картель идет за рынком и повышает цены, то наступают обычные условия, вызывающие кризис: чрезмерный прилив капиталов, расширение производства, диспропорциональность спроса и предложения. Кроме того, картель не может сам избежать последствий кризиса. Когда в ответ на кризис картель пытается сохранить высокие цены и сжать производство, то это приводит к усилению общего кризиса, так как капиталы не картелированных отраслей промышленности не найдут себе применения в картелированных отраслях промышлености, где понизится в это время прибыль. Лишь обычным путем, после большого снижения цен, истребления запасов и в результате притока капиталов, восстанавливается постепенно пропорциональность частей хозяйства; кризис изживается. Все же об'ективная роль картелей такова, что они перекладывают главную тяжесть кризиса на некартелированные отрасли промышленности[2]). Таким образом прибыль картелированных предприятий представляет собой не только прибавочный продукт, созданный рабочими данного предприятия, но и экспроприированную у некартелированных предприятий часть прибавочного продукта, созданного рабочими этих предприятий.

Мы видели, таким образом, каково происхождение монополистских организаций, насколько распространилось монополист-

[1]) Замечание Гильфердинга.
[2]) Гильфердинг.

ское движение в капиталистических странах и каковы важнейшие формы их регулирующего воздействия на промышленность, торговлю, разрешение вопросов труда и, наконец, на политику капиталистического государства.

Предпринимательские об'единения, как и прочие формы концентрации капитала, оформляют естественные тенденции развивающегося капиталистического хозяйства. С точки зрения капиталистического хозяйства, монополистские организации в промышленности, характеризующие эпоху финансового капитала, — явление вполне положительное и свидетельствующее о прогрессе капитализма по сравнению с пройденной уже стадией чистого промышленного капитализма. Народное хозяйство капиталистических стран, действительно, в известной мере выигрывает от процесса концентрации капитала. В области торговли организация синдикатов, картелей, концернов, сокращает торговый аппарат, уменьшает торговые издержки предприятий во вне об'единений и вовсе ликвидирует большую часть их (реклама, посредничество) внутри трестов, концернов. В области производства об'единение предприятий между собой может привести к повышению производительности труда. К. Каутский указывает, например, на опыт многих американских трестов[1]), сосредоточивших все производство лишь на части наилучше обставленных предприятий, вошедших в их состав, и говорит, между прочим, что опыт этих трестов будет использован социализмом.

Но тем не менее, процесс концентрации капиталистического хозяйства не разрешает основной задачи народного хозяйства: общей рациональной организации хозяйства. Задача создания планового хозяйства неосуществима в капиталистическом строе; плановое хозяйство противоречит принципиальной основе капитализма. В частности, регулирование промышленности со стороны монополистских об'единений имеет весьма ограниченный, так сказать, локальный, характер.

И в самом деле, в этом отношении различия между эпохами промышленного и финансового капиталов принципиально не очень велики. В эпоху промышленного капитала отсутствовал общий хозяйственный план, план существовал только внутри индивидуального предприятия; работа же этого предприятия не увязывалась с потребностями народного хозяйства в его продукте. Эпоха финансового капитала внесла лишь то изменение, что несколько сократилось число отдельных единиц в промышленности, внутри которых осуществляется рациональное плановое производство. Так, план стал осуществляться и внутри комбината предприятий—треста, и в некоторой мере в среде предприятий, об'е-

---

[1]) В частности, американский сахарный трест, концентрировавший производство на ¼ скупленных предприятий.

диненных синдикатом, картелем. Но эти тресты и сохранившиеся единичные предприятия («дикие»), предприятия, об'единенные в синдикаты (хотя и сокращенные в числе), продолжают противостоять друг другу в каждой отрасли национальной промышленности и уже тем более в различных отраслях промышленности. Между тем, народно-хозяйственный процесс представляется явлением вполне цельным. Вследствие этого, в общем, в народном хозяйстве все остается попрежнему.

Следовательно, осуществление капиталистическими об'единениями регулирования промышленности и усиление процесса концентрации капитала не сулят никаких принципиальных перемен в социальной организации капиталистического хозяйства.

Однако, сложившиеся капиталистические монополии послужат в свое время базой социалистической организации промышленности и до этого (во время войны) будут использованы капитализмом в его кратковременной попытке усиленного регулирования народного хозяйства.

ГЛАВА III.

Регулирование промышленности во время войны.

Выше мы установили, что нормальное хозяйство капитализма регулируется рынком и конкуренцией на рынке. Показателем коньюнктуры являются цены. Государство осуществляет регулирование народного хозяйства лишь в самой незначительной мере и, в общем, ни в какой степени не пытается организовать его, как единое целое.

Регулирование приходит позже, с изменением характера капитализма и исходит от частно-капиталистических об'единений. Мы убедились в том, что с точки зрения целостного народного хозяйства, это регулирование, призванное удовлетворить классовые интересы предпринимателей, вносило лишь незначительные изменения в анархический характер капиталистического хозяйства и, во всяком случае, не могло предотвратить важнейших периодических последствий анархичности производства — кризисов.

Во время войны наблюдается новый уклон в организации капиталистического хозяйства, представляющий огромный интерес для изучения организации капиталистического хозяйства. В течение мировой войны ряд стран прошел длинный путь от фритредерства к постепенному жесткому регулированию ряда отраслей промышленности и даже к национализации некоторых из них. Эта любопытная эволюция экономической политики капитализма нашла многих апологетов среди буржуазных экономистов. Познакомимся с рядом их суждений о новой фазе капитализма, о постепенном вростании «социализма в капитализм».

Наиболее интересным глашатаем новой эры капитализма и человечества являлся известный политический и промышленный деятель Вальтер Ратенау. Его новое хозяйство строится на основе опыта военного хозяйства Германии, которое он именует «военным социализмом». «Новое хозяйство будет об'единенным общественной волей частным хозяйством, которое для органического об'единения его частей, для преодоления внутренних трений и для увеличения своей производительности и силы будет нуждаться в государстве. Однако, это влияние государства не будет более случайным». Ратенау указывает, что во время войны увеличилось число монополистских об'единений в промышленности. Государство должно эти об'единения (как и было во время войны, см.

дальше) признать, регулировать их и наделить обширными правами. Государство делегирует об'единениям значительные права, часто граничащие с суверенными: право отказа в приеме вновь поступающих, право монопольной реализации товаров, право скупки предприятий и т. д. В ответ государство пред'являет притязание на надзор за управлением и требует социальных мер и отчислений с доходов» [1]). Ратенау оставляет в своей системе прибыль капиталиста, считая недоразумением «склонность социализма ждать преобразования хозяйственного и общественнного строя от уничтожения прибыли и обобществления средств производства». Парламентскую демократию Ратенау соглашается уничтожить и взамен построить новые формы сотрудничества классов. При этом Ратенау много внимания уделяет анализу анархичности капиталистического хозяйства и утверждает, что управление промышленностью ни в малой степени не может быть предоставлено свободной игре сил.

Другим горячим сторонником государственного регулирования промышленности, имевшего место во время войны, является англичанин Чиозза Монэ. Он стоит за национализацию отдельных отраслей промышленности для того, чтобы «идеи были использованы обществом путем сотрудничества и в пользу общества». Он восторгается опытом национализации во время войны, указывая на благоприятные последствия действий правительства: 1) обеспечение потребности народного хозяйства в сырье, товарах, топливе, 2) сокращение спекулятивных прибылей, 3) улучшение быта рабочих в подвергшихся регулированию отраслях промышленности, 4) усиление процесса технических и организационных усовершенствований. Политику классовой борьбы и социалистического переворота Монэ не понимает и искренно удивляется, почему капиталистическое общество после войны стало ликвидировать все предприятия, во время войны национализированные.

Для полной характеристики этой веры радикальной буржуазии и социалистов-реформистов в мирное врастание социализма в капитализм, следует остановиться на примере известных теоретиков тред'юнионизма супругов Вебб, написавших новую книгу о социалистическом переустройстве Англии. В этой книге маститые «социалисты» посвящают целую главу доказательству полной целесообразности сохранения наследственной монархии в социалистической Англии. В остальном исследовании они исходят из мирной постепенной реорганизации общества на социалистических началах.

---

[1]) Перевод с изданной в 1916 г. в Лейпциге брошюры В. Ратенау— его доклада о деятельности министерства снабжения и организации сырьевых обществ.

Проанализируем, однако, факты. *Капитализм пришел к государственному регулированию во время войны и вследствие войны. Расширение функций государства было вызвано непосредственными условиями обороны.* Война привела к полному нарушению международных торговых связей и, следовательно, к нарушению нормального функционирования капиталистического хозяйства. Оборона страны диктовала капиталистическому государству ряд мероприятий, ему обычно несвойственных. Буржуазному праву ни в какой мере не чуждо понятие force majeur'a[1]), допускающее нарушение обычных правоотношений. Война явилась для буржуазного класса таким force majeur'ом из ряду вон выходящим обстоятельством—исключением, допустившим применение государством ряда регулятивных мероприятий. Но наивны были те буржаузные мечтатели, которые видели в принужденном опыте регулирования промышленности во время войны, самими буржуазными мыслителями именуемом *«регулированием народного хозяйства в осажденной крепости»,*—новую фазу развития капитализма. Практика показала, как быстро с исчезновением force majeur'a отпадает стимул для непосредственного регулирования промышленности государством и по меньшей мере на 80—90% в капиталистических странах восстанавливается старое хозяйство капитализма с преобладанием в большинстве отраслей промышленности монополистского типа об'единений. Таким буржуазным ученым, как Монэ, остается воздевать руки к небу и удивленно вопиять об ошибках государственной власти. Мирное врастание социализма в капитализм столь же вероятно, как установление в капиталистическом строе социального мира. Обе эти идеи тесно связаны между собой, как мы видели на примере супругов Вебб и Ратенау. Они политически и экономически несостоятельны и по своему существу глубоко реакционны. Социализм приходит не мирным путем и не творится капиталистическими правительствами. Колоссальное обострение социальных противоречий после войны, начавшаяся и продолжающаяся ожесточенная классовая борьба служат достаточным ответом идеологам бургфридена.

Социальный смысл проповедуемого обновления капитализма (как бы искренни не были сами проповедники) в том, чтобы направить в иное—безвредное для капитализма русло (подальше от классовой борьбы) потенциальные силы «могильщиков капитализма». Капиталистическая система выработала неслыханно детализированную систему мер обороны против наступающей социальной революции. Мероприятия, в основе которых лежит принуждение (тюрьма, полиция, классовый суд и т. д.), занимают

[1]) Юридический термин, обозначающий непреодолимую силу; невыполнение обязательств, вызванных наличием непреодолимой силы, не вызывает обычных последствий по кодексам гражданского права всех стран.

сравнительно скромное место среди них. Большее по своим результатам место занимают мероприятия профилактического характера (предупредительные против социальной революции): классовое воспитание, организованная прививка буржуазной культуры и т. п. Но в последней стадии капиталистического строя всегда обнаруживается недостаточная сила и такой прививки буржуазной культуры: она перестает действовать на значительный слой населения. Капиталистическая система тогда переходит к еще более совершенным методам обороны и организует свою собственную оппозицию—критикующую капиталистический строй и в то же время отвлекающую антикапиталистические силы от революционного классового пути, единственного, который может покончить с капитализмом. В такой роли защитника капитализма об'ективно выступает реформистский социализм. Несколько менее революционные слои населения обволакиваются проповедью мирного обновления капитализма, принимающего форму постепенного вращения социализма в капиталистический организм или совмещения (!) социалистического и капиталистического начал в одной хозяйственной системе. И организация капиталистической самообороны столь совершенна, что чем значительнее потенциальные силы и возможности социальной революции (яд), тем интенсивнее капитализм порождает противоядие—реформистские «мирнообновленческие» идеи. Весьма характерно, что именно в эпоху войны, со второго—третьего года и в послевоенный период, когда противоречия капитализма стали особенно сильно питать социальную революцию, на политическую сцену выступило множество радикальных оппозиционеров капитализму, с программой мирного вростания элементов социализма в капитализм, противополагаемой политике классовой борьбы с буржуазией.

Что положение именно таково, что капитализм во время войны лишь в силу необходимости пришел к государственному регулированию народного хозяйства, вытекает не только из априорных теоретических суждений об экономической сущности капитализма, но из истории государственного хозяйства во время войны.

Чьозза Монэ приводит слова одного крупнейшего промышленника - англичанина об истории государственного регулирования, сказанное им в 1916 г. «Мы были вынуждены шаг за шагом против нашей воли положить конец медленному течению чисто-добровольческой деятельности» и сам присовокупляет по этому поводу: «ценность национальной организации не могла получить более сильного признания. Было у нас правительство, состоявшее из государственных людей, которые, сообща с большинством людей своего времени, относились с большим недоверием, как к государственной торговле, так и к вмешательству государства в тор-

говлю. Они истощили все способы избежать государственной торговли или государственного вмешательства. И, однако, были вынуждены, благодаря нарушению их излюбленных верований, прибегнуть к действию, навязанному им опасностью, в которую страна была ввергнута «медленным течением частно-добровольческой деятельности».

Гораздо более точно формулирует шведский экономист Эли Гешкер капиталистическую постановку вопроса о государственном регулировании: «Когда недостаток в предметах первой необходимости так велик, как это легко может случиться во время войны, тогда остается одно—прямое вмешательство государства, которое и распределяет, что и сколько может потреблять каждый отдельный человек из необходимых, но получаемых в недостаточном количестве товаров».

Здесь нигде нет действительной принципиальной ломки капиталистических отношений, ибо вмешательство государства происходит на основании force majeur'а и носит временный, а не принципиальный характер.

Повторяем, что практика послевоенного периода показывает, как быстро капитализм отказался от огромного большинства мероприятий военного периода.

В соответствии с тем, что капиталистическое государство вынуждалось к несвойственным ему мероприятиям в области промышленности и торговли, а вовсе не проводило их по какому либо плану, государственное регулирование промышленности усиливалось лишь постепенно в течение войны и каждый месяц и год войны приносили все новые ограничения частной инициативы.

На ряду с регулированием промышленности и торговли во имя интересов всего капиталистического хозяйства в целом, огромную роль сыграло здесь увеличение собственно государственного хозяйства, т. е., главным образом, военного хозяйства. Армия требовала огромных количеств предметов питания, одежды, аммуниции и т. д. Нужда в орудиях, снарядах, винтовках возросла колоссально. Все изготовленное истреблялось и требовало своевременной замены. Такое колоссальное потребление вызвало необходимость во всех странах в специальном государственном аппарате снабжения, ибо для размаха войны течение добровольческой инициативы действительно оказалось слишком медленным.

В России в 1916 г. одно только Главное Артиллерийское Управление строило 11 артиллерийских заводов.

Англия лишь на десятый месяц (26-го мая 1915 г.) войны организовала у себя особое министерство военного снабжения, во главе которого стал Ллойд Джордж. Министерство приступило к организации военных заводов снабжения. 28-го июля 1915 года их было уже 16, 20-го декабря 1915 года—33. Выра-

ботка снарядов, для производства которых в 1914—1915 г.г. требовался год, в августе 1916 г. могла быть произведена внутри страны:

Для 18-ти фунт. снарядов	в 3 недели
Для полевых гаубиц	в 2 недели
Для среднего размера снарядов . .	в 11 дней
Для тяжелых снарядов	в 4 дня

Министерство снабжения преследовало организацией заводов, помимо целей усиления военного снабжения государственными средствами, цель воздействия на остальную часть работающей на войну промышленности. Ллойд Джордж по этому поводу сказал: «Мы убеждены, что можем вырабатывать снаряды по гораздо более низкой цене, чем те, по которой мы получаем их. Будет лучший контроль, будут лучшие удобства для инспекции». Ему же принадлежат слова: «Каков был первый шаг, принятый министерством снабжения? — Понизить издержки фабрикации. 18-ти фунтовый снаряд стоил, когда возникло министерство, 22 шилл. 6 пенс. Была введена система оценки и обследования, воздвигнуты национальные фабрики, которые удерживали цены, и снаряд, за который военное ведомство платило раньше 18 шилл., понизился в цене до 12 шилл. Раз вы имели 85 милл. снарядов, это сберегало 35 милл. фунтов стерлингов. В общем, благодаря оценочной системе и сдерживающему влиянию национальных фабрик, которые мы учредили перед концом войны, образовалось сбережение в 440.000.000 фунт. стерл. (в середине 1919 г.)».

Этот пример свидетельствует о колоссальных аппетитах буржуазии, работавшей на оборону, но он, ни в какой мере, не свидетельствует о каком-либо уничтожении государством прибылей промышленников. Капиталистическое государство, приступая к регулированию промышленности в условиях крайней необходимости, никоим образом не нарушает основного закона капиталистического общества—прибыли предпринимателей и в отдельных случаях лишь несколько сокращает их размер. При нарушении условий конкуренции в результате войны, некоторые отрасли промышленности оказались в таком положении (монополисты) на рынке, которое благоприятствовало получению невероятных сверхприбылей. Капиталистические государства были принуждены в отдельных случаях несколько ограничивать эти сверхприбыли, но нормальные довоенные прибыли ни разу не были затронуты. Наоборот, в общем, размер прибылей во время войны был, как правило, необычайно высок. Буржуазия несомненно выиграла от войны; расплата же за войну целиком приходится на счет трудящихся, как показала послевоенная практика, в особенности в «демократической» Германии.

Об общих размерах прибылей свидетельствует следующий факт из деятельности Нобелевского общества взрывчатых веществ. С 1872 г. по 1916 г. вложенный в общество вклад в 100 фунтов превратился в акциях в 3.000 фунт. и дивиденд, выплаченный на этот вклад, достиг 8.500 фунт. Относительно военных прибылей во время войны, буржуазный экономический орган «Экономист» заявлял, что министерство (снабжения) дало возможность довести накопление военных барышей до таких размеров, которые вызвали в рабочем классе опасное недовольство.

Но, само собой разумеется, организацией военного снабжения не ограничилось дело государственного регулирования. Очень скоро правительства многих стран поспешили обеспечить себя в отношении самых важных отраслей народного хозяйства—угля и железных дорог. Остановимся для иллюстрации на регулировании каменноугольного хозяйства в Англии. И здесь наблюдается та же постепенность в усилении регулирующих мероприятий. С момента войны владельцы угольных копей начали повышать продажные цены. Твердая цена была назначена правительством еще в 1915 году, однако, фактические цены во много раз превышали твердые. Барыши копевладельцев были колоссальны, в то время, как заработная плата не повышалась. Угольные тред'юнионы пред'явили решительное требование повышения заработной платы. Угроза забастовки в угольной промышленности во время войны была очень опасна с точки зрения национальной безопасности. Между тем, шахтовладельцы решительно не желали пойти на уступки рабочим. К конфликту было привлечено внимание газет. Даже буржуазные газеты отстаивали соответствие между прибылями и заработной платой (по довоенным нормам). Опасность конфликта и беспрерывное дорожание угля привело правительство к сознанию необходимости специального регулирования угольной промышленности. В 1916 г. был издан первый закон о контроле угольной промышленности. По этому закону министерству предоставлялось право в необходимых случаях контролировать производство и реализацию угля. Закон предписывал «владельцам, директорам и всем служащим копей подчиняться всем приказаниям министерства торговли во всем, что касается управления копями и пользования ими». В результате использования министерством предоставленных ему прав, правительству удалось: 1) повысить заработную плату, 2) снизить фактически цены до уровня твердых, 3) снизить колоссально вздувшуюся цену акций в результате нормирования прибыли. Постепенно контроль государства совершенствовался и принимал все более полный характер. В феврале 1917 года был установлен контроль над всей угольной промышленностью и организован Государственный Комитет по управлению копями. В результате создалась следующая обста-

новка, для нормального капитализма, конечно, чудовищная. Владельцы не имеют в копях почти никакого права инициативы ни в общем ведении дел, ни в вопросах вывоза угля и распределения его в стране, ни, особенно, в вопросах фиксации цен и заработной платы. Таким образом, владельцы сделались приказчиками государства, получающими, однако, вместо жалования... прибыль! Самый размер прибыли устанавливается в зависимости от добычи угля. Государство гарантировало копевладельцам в самом законе среднюю нормальную довоенную прибыль. Из избытка прибыли 60—80% идет в казну на основании закона об отчислениях военных сверхприбылей, около 15%—на административные расходы по копям и 5% дополнительно к нормальной прибыли—шахтовладельцам. При повышении добычи, прибыль начисляется лишь на три четверти добычи. При падении добычи государство гарантирует прибыль шахтовладельцу в об'еме суммы прибыли на 65% довоенного производства. Благодаря этим мероприятиям, удалось с 1916 года стабилизовать цены, причем розничные цены шли постоянно за твердыми оптовыми. Уголь достался мелкому потребителю (в Англии он заменяет дрова) и не удорожил фабрикатов промышленности. Общая добыча угля понизилась, однако, в значительной мере, несмотря на действия правительства: в 1913 — 287 милл. тонн, в 1916 — 256, 1917 — 248 и 1918 — 228. Одним из важных последствий государственного регулирования следует считать экономию на транспорте угля. В условиях капитализма не бывает планомерного и экономного распределения угля по стране. Так, Северный Уэльс производил в месяц 150.000 тонн, потребляя 220 тысяч тонн, но из своего производства отсылал в другие районы около 40.000 тонн и зато ввозил вместо этих 70.000—110.000 тонн. Считают, что схема угольного транспорта сберегла по 700.000.000 тонно-миль в год.

В войне 1914 г. транспорт являлся несомненно частью военного хозяйства. Поэтому первые же дни войны ознаменовались во всех странах, в том числе в странах, имеющих частные железные дороги, организацией особых совещаний (Россия), исполнительных комитетов (Англия) и т. д. с чрезвычайно расширенными функциями в области контроля и управления железными дорогами. В Англии при этом были гарантированы прибыли 1913 года всем железнодорожным компаниям.

Круг регулирования промышленности государством постепенно расширялся, под влиянием необходимости. В целях обеспечения армии (в первую очередь) и всей страны одеждой, обувью и проч. и в виду недостатка таковых, государства многих стран взяли под контроль запасы хлопка, шерсти, кожи, шкур, льна и т. д. Все воюющие страны перешли к системе централизованных закупок сырья заграницей, тем самым избегая опасности конкуренции

покупателей при недостатке предложения товаров. Англия, например, скупила весь сбор шерсти в Австралии и Новой Зеландии по условленным ценам посредством прямой сделки между соответствующими правительствами.

Сырьевой вопрос в Германии был, конечно, еще острее, чем в странах ее противников. Этим об'ясняется, что уже через неделю после об'явления там войны, организовался специальный комитет по военному снабжению сырьем, во главе которого стал известный Вальтер Ратенау. В своем докладе, читанном в 1916 г., он сообщает о чрезвычайно быстрой организации всего сырьевого дела. Ратенау и германское правительство избрали такой метод контролирования и регулирования сырьевых рессурсов: правительство организовывало полупринудительные военные сырьевые общества по каждому виду сырья, куда привлекали те промышленные и торговые предприятия, которые либо нуждались в потреблении этого вида сырья, либо занимались производством и торговлей им. Общества эти находились под строжайшим правительственным надзором. Представители правительства в этих обществах обладали правом неограниченного veto. Ратенау говорит по поводу этих обществ: «Сырьевые общества общеполезны, они не имеют права распределять (самостоятельно) ни дивидендов, ни ликвидационных прибылей. Рядом с обычными органами акционерных обществ—правлением и наблюдательным советом, они имеют еще один дополнительный орган, одну независимую комиссию, которая составляется из членов торговой палаты или чиновников. Эта комиссия именуется комиссией оценки и распределения сырья. Таким образом, эта комиссия стоит там, как буфер между акционерным обществом, которое представляет собой свободное капиталистическое об'единение, и государственным механизмом. Такова хозяйственная форма, которая, может быть, в будущем, будет воспринята». Задачей сырьевых обществ было сконцентрировать в одних руках приток сырья и так направить его движение, чтобы каждый производственный район в меру его потребностей, вызванных государственными нуждами, был бы удовлетворен материалами своевременно и по твердым ценам. К 1916 г. сырьевые общества охватили сбор следующих групп сырья: металлы, химикалии, пенька, шерсть, шкуры, каучук, хлопок, кожа, лен, кудель.

В 1916 г. германское правительство стало на путь создания как бы специальных частных монополий, например, в калийном производстве была запрещена закладка новых шахт, а в цементном производстве—новых заводов. Под давлением германского правительства были организованы 3 синдиката цементного производства.

Собственно принудительный синдикат организован в германской индустрии в 1917 г. в обувной промышленности. Все предприятия обувной промышленности по этому постановлению под-

лежали об'единению в общества, даже и без их согласия на то. Лица, производящие обувь и не входящие в то же время в состав указанных обществ, подлежали по закону наказанию тюремным заключением до года или штрафом до 15.000 марок. Принудительный синдикат регулирует производство и сбыт «соответственно количеству имеющихся запасов сырья и народно-хозяйственным потребностям». Все дела синдиката разрешаются особым комитетом с назначаемым правительством председателем и тремя членами. Участники общества не только не имеют права самостоятельного сбыта, но даже подчиняются назначению синдикатом цены. Размер прибыли определяется также синдикатом. Довоенная норма прибыли гарантируется правительством.

Еще раньше, чем перейти к непосредственному регулированию отдельных отраслей промышленности, все европейские государства были принуждены пойти по пути регулирования цен на предметы продовольствия и широкого потребления. Война привела повсеместно к повышению цен, столько же в результате прямого недостатка товаров, сколько и благодаря сокращению конкуренции, являющейся обычно регулятором цен, и укреплению монополий. В борьбе за стабилизацию цен, государства воюющих стран настолько широко практиковали политику твердых цен, что дали проф. Смит право с некоторым основанием заявить: «вольная цена, этот символ капиталистического обмена, святая святых капиталистического хозяйства,—вынуждена была перейти на нелегальное положение».

Относительно результатов применения твердых цен существуеет целая литература. Едва ли не большинство авторов склоняется к утверждению полного провала таксировки цен. Эти авторы исходят из того факта, что правительства большей частью шли за рынком в деле фиксации цен. Свои утверждения они иллюстрируют историческими примерами, начиная от эдикта Диоклетиана, вплоть до законов о максимальных продажных ценах на предметы продовольствия французской революции, которые не помешали-де комитету общественного спасения уплатить за свою трапезу по 100 ливров за цыпленка, 1000 ливров за щуку и 5600 ливров за общий обед и ужин. На самом же деле, при всем кажущемся поражении политики твердых цен, она принесла несомненно свои положительные результаты для народного хозяйства. Прежде всего, твердые цены во многих случаях сумели удержать фактически цены в тех пределах, которые отвечали современному соотношению спроса и предложения, ограничив чисто спекулятивные (столь распространенные при нарушении конкуренции) прибыли владельцев товара. Успех государства с твердыми ценами был различен в отдельных отраслях промышленности. Максимальный успех выпал на долю тех отраслей промышленности, в

которых государство либо выступало, как продавец - конкурент, либо способствовало заготовлению больших количеств продукта (например, сахара—в Англии) [1]. Но, в общем, здесь можно отметить ту же тенденцию перехода к непосредственному вмешательству в производство, к монополии торговли, как и в остальных видах регулирования. С прогрессивным уменьшением наличных рессурсов и укреплением аппарата, государство переходит от регламентирования цен к созданию своих предприятий, к монополии, к распределению по карточкам. В этом отношении весьма характерен опыт с важнейшим предметом питания — хлебом. В Германии уже в январе 1915 г. была об'явлена хлебная монополия, в силу которой весь хлеб об'являлся государственной собственностью с того момента, как он отчуждается от производителя. Всякие частные сделки на хлеб тем самым отпали. В частных руках могли оставаться запасы в размере не более одного двойного центнера хлеба или муки. Во Франции право реквизиции хлеба (тоже монополия) было декретировано в апреле 1916 г. В России твердые хлебные цены стали применяться в 1916 г., а хлебная монополия с 1917 г. и т. д.

Государства во время войны вынуждались и к национализации товаров и средств производства, точнее, к реквизиции с возмещением стоимости владельцу. В Англии национализация торгового флота была совершена в 1917 г. За время войны тоннаж торгового флота значительно уменьшился, опасность рейсов увеличилась, а значение судов возросло. Прибыли судовладельцев достигли размеров, ни с чем несуразных. За три года, с 1914 по 1917 г., прибыли судовладельцев составили двойную стоимость всех судов (170.000.000 фунтов). На 300.000.000 фунтов возросла капитализированная стоимость судов. Это привело английское правительство к необходимости произвести массовую национализацию торговых морских судов.

В заключение нужно остановиться на регламентации труда. Важнейшим фактом этого рода нужно считать прекращение, так называемой свободы рынка труда. В этом направлении дальше всего пошла Германия. Промышленность Германии ощущала колоссальный недостаток в рабочей силе. Правительство вплоть до конца 1916 года принимало лишь меры паллиативного характера. Оно давало квалифицированным рабочим временные отпуска из армии для работы на фабриках. Однако, не чувствуя уверенности в прочности своего положения, рабочие-отпускники плохо работали. Несколько позже, правительство формально освободило от военной службы прикрепленных к фабрике солдат. Однако, недостаток ра-

---

[1] Любопытно, что в теоретическом определении цены профессор Кассель учел этот момент: «всякая цена обуславливается недостатком средств для удовлетворения человеческих потребностей».

бочей силы не уменьшался, несмотря на ряд мероприятий, предпринятых самими промышленниками в виде усиления эксплоатации женского и детского труда. Наконец, в декабре 1916 года германское правительство об'явило всеобщую трудовую повинность. «Каждый германский подданный - мужчина» — гласил текст закона, — «от 17-ти до 60-ти лет от роду, поскольку он не призван в армию, обязан вспомогательной службой отечеству». «Граждане, занятые в предприятиях, работающих на оборону, считаются состоящими на вспомогательной службе, поскольку число этих лиц не превышает потребности в них. Проведение трудовой повинности возлагается на Kriegsamt при военном министерстве. Kriegsamt и местные власти разрешают вопрос о переброске рабочей силы. Местные комитеты по трудовой повинности состоят из представителей предпринимателей и рабочих и окружные комитеты работают под председательством офицера. Сначала об'является добровольный призыв на необходимую работу, затем же принудительный набор через местные комитеты.

Декрет о трудовой повинности позволил до максимума расширить производительные силы капиталистической страны, находившейся в состоянии военной обороны. Он осуществил, как будто, одно из наименее свойственных капитализму мероприятий, чем целиком, конечно, обязан военному времени и безраздельному господству юнкерства и магнатов капитала во время войны. Впрочем, надо отметить, что помощь в осуществлении трудовой повинности оказали социал-демократические профессиональные союзы, которые принимали участие в организации хозяйства и, в частности, милитаризации труда во время войны.

«Регулирование рабочего вопроса» со стороны государства во время войны этим не ограничивалось. В отдельных случаях капиталистические государства вмешивались в конфликты по поводу заработной платы в важных для обороны и хозяйства страны отраслях промышленности, не подлежавших национализации. Нередко вмешательство это приводило к компромиссу, скорее благоприятному для рабочих. Такой радикализм капиталистических правительств диктовался, однако, практическими расчетами: правительству необходимо было предотвратить забастовку, и, одновременно, продлить демонстрацию осуществленного, якобы, в стране «социального мира». В связи с этой основой «защиты» государством интересов рабочих, находятся противоположные, отнюдь не миротворческие, мероприятия правительства по жесточайшему подавлению возникавших экономических забастовок с посылкой бастовавших рабочих в армию, что особенно часто применялось в России царским правительством.

Любопытнейший факт вмешательства государственной власти в договор между предпринимателями и рабочими имел место в

английской каменноугольной промышленности, где вследствие настояния правительства, в коллективный договор внесен принцип зависимости заработной платы от величины прибыли предпринимателя. В этом случае ясно выступило стремление государственной власти «примирить социальные противоречия» рабочих и предпринимателей. Этот факт из области английского государственного регулирования зарплаты напоминает широковещательный проект примирения классовых противоречий современного общества путем привлечения рабочих акционерами предприятий, проект, пользовавшийся в начале XX века кратковременным кредитом в официальных кругах социальных политиков и вскоре совершенно провалившийся. Следует отметить, что этот принцип зависимости заработной платы от прибылей сохранился в английской каменноугольной промышленности до сих пор, правда, в смягченном виде [1].

Наконец, в регулировании промышленности государство опирается, как правило, на крупнейшие об'единения буржуазии. Так, например, в Германии, организовавшийся через неделю после об'явления войны военный комитет германской промышленности явился простым об'единением 2-х крупнейших союзов предпринимателей (Centralverband Deutscher Industrieller (тяжелая индустрия) и Bund der Industrieller (легкая промышленность).

В провинции были созданы местные комитеты промышленности по тому же принципу. Ряд отраслей промышленности, не проделавших до войны процесса картелирования, например, табачная промышленность, спешно создает центральное об'единение, которое берет на себя распределение военных заказов и закупку сырья.

В тех случаях, когда импульсы к картелированию не проявлялись со стороны самых предпринимателей, инициативу брало на себя правительство, как это было сделано в Германии в отношении шерсто-ткацкой промышленности, изготовлявшей армейское обмундирование и об'единенной правительством в принудительный синдикат.

Вообще империалистическая война усилила тенденцию к концентрации капитала. Указанное нами в предшествующей главе сращивание государственных органов с крупнейшими капиталистическими об'единениями—во время войны (и после нее) значительно ускорилось. Да иначе и быть не могло, поскольку мировая война вызывалась преимущественно интересами крупного капитала. Из классовой организации, представлявшей весь капиталистический класс (иногда и элементы феодального порядка), капиталистические государства важнейших воюющих сторон все быстрее и откровеннее превращались в классовые организации крупного финансового и индустриального капитала.

---

[1]) См. апрельский номер английского «Экономиста» за 24 год.

Характернейшие черты нового типа хозяйства, приближающиеся к государственному капитализму, развившемуся во время войны в передовых воюющих государствах Запада (главным образом, в Германии), правильно охвачены следующей схемой тов. Осинского, данной им еще в 1918 г. в своей книге «Строительство социализма»[1]).

«Для государственного капитализма (появившегося с началом войны, развившегося из финансового капитализма и достигшего особенного развития в Германии) характерны:

1) Срастание государства и трестов: срастание «командных высот» власти финансового капитала и политической власти государства; неиспользование государственной надстройки для укрепления мощи финансового капитала, а превращение ряда госорганов в организующие и регулирующие хозяйство органы трестов.

2) Появление принудительных синдикатов и трестов и, следовательно, завершение перехода собственности в собственность всего класса капиталистов.

3) Планомерное регулирование производства синдикатами и трестами; замена фактических рыночных монополий цен обязательными ценами государственных трестов.

4) Организация и регулирование потребления путем карточной системы.

5) Превращение рабочей силы в достояние государства и капиталистов путем трудовой повинности.

6) В итоге — отмирание капитализма, как товарного хозяйства, в котором приспособление производства к потреблению создается путем спроса и предложения на рынке и конкуренции независимых собственников, а рабочая сила составляет товар. Тенденция к нарождению системы сознательного регулирования производства, обращения и потребления, но не в виде социализма, а в виде того, что Фурье называл «промышленным феодализмом», т. е. замкнутого национального хозяйства, где производство регулируется сознательно классом капиталистов, который непосредственно эксплоатирует рабочий класс, присваивая себе прибавочный продукт, и в то же время ведет ожесточенную борьбу за подавление и эксплоатацию государственных национальных трестов, и, следовательно, народов».

Аналогичную схему рисует Н. Бухарин в своей брошюре: «Мировое хозяйство и империализм»: «Следует отметить колоссальное усиление государственного вмешательства в экономиче-

---

[1]) Недостатком ее следует считать лишь сгущение красок, впрочем, для схемы приемлемое, и недоучет важнейшего фактора, позволившего осуществить в капиталистическом хозяйстве государственный капитализм—империалистической войны, с окончанием которой государственный капитализм был значительно ослаблен.

скую жизнь. Сюда относятся: образование государственных монополий производственных и торговых; организация так называемых смешанных предприятий (gemischte Betriebe), где государство (или муниципалитеты) является пайщиком предприятия на ряду с частными синдикатами или трестами; государственный контроль над производственным процессом частных предприятий (обязательное производство, регулирование методов выработки и т. д.), регулирование распределения (обязательность поставок и приема продуктов; организация государственных центральных распределительных пунктов, государственные склады сырья, топлива, пищевых продуктов; таксация цен; хлебные, мясные и прочие пайки; запрещение ввоза и вывоза и т. п.; организация государственного кредита; наконец, организация государственного потребления (коммунальные кухни). В Англии кроме того установлено государственное страхование морских грузов, государственная гарантия купеческих векселей, государственная выплата в данный момент не могущих быть полученными сумм, принадлежавших английским купцам за границей и т. п.».

Мы видели, таким образом, колоссальное усиление мощи государства и появление у него совершенно новых функций. Государство начинает контролировать и регламентировать огромное количество товаров и отраслей производства. В отдельных случаях оно производит национализацию средств производства (и продуктов производства).

В начале главы мы указывали, что эти несвойственные капитализму явления целиком находят себе об'яснение в условиях военного времени и что именно поэтому, благодаря исключительности обстоятельств, их вызвавших, и временному их характеру [1]), регулирование государством промышленности не изменило основной структуры капиталистического хозяйства. Капитализм сохранил в полной мере свои социально-экономические черты и при усилившемся государстве. Осуществляя национализации, государство производило полное возмещение капитализированного дохода национализованных предприятий. Регламентируя производство, цены, перевозки, даже беря на себя в целях контроля, ряд

[1]) Любопытно отметить, что и непосредственно после войны Германия из-за версальского мира продолжала страдать от недостатка сырья и топлива. Отбившиеся от государственного влияния частно-капиталистические монополии, укрепившиеся за время войны, начали хозяйничать столь откровенно, что государство, «под давлением демократии» и для согласования интересов отдельных групп капиталистов, принуждено было издать в 23 году специальный декрет о картелях (как указывает в апрельском номере 24 г. «Экономиста» анонимный—английский обычай—автор). В силу этого декрета рейхканцлеру предоставляется право отменять в части или в целом картельные соглашения, угрожающие нормальному течению экономической жизни.

функций по управлению предприятиями, государство везде охраняет, по меньшей мере; нормальные прибыли (практика показала, что прибыли эти большей частью выходили за пределы нормальных; военные барыши были колоссальны, в многочисленных предприятиях, работавших на оборону, как в этом признаются и буржуазные экономисты и экономическая печать, лицемерно вопиющая о злокозненности «шиберов»-спекулянтов). Ограничение же сверхприбылей отдельных групп капиталистов в целях победы всего национального класса — явление, в конце концов укладывающееся в рамки капитализма. Таким образом, временные[1]) изменения в функционировании капитализма не разрушали его социальную систему.

Выше мы указали, что все модуляции капитализма в годы 1914—1918 были обязаны войне. Однако, было бы неправильно не указать на три дополнительных обстоятельства, сыгравших огромную роль в том, что военные мероприятия государства (военный государственный капитализм) закончились таким значительным успехом применительно к стоявшим перед ним целям.

Первый фактор, способствовавший хозяйственным успехам военного периода капитализма,— это предшествовавшая концентрация капиталов в промышленности. Если бы государству вместо нескольких крупнейших синдикатов в каждой отрасли промышленности противостояло множество самостоятельных мелких предприятий, ему было бы неизмеримо труднее справиться со своей задачей. Картелирование промышленности, как это неоднократно отмечали буржуазные экономисты, облегчает ведение войны. Марксизм указывает на концентрацию капитала, как условие обобществления его. В политике государственного регулирования во время войны, капиталистические правительства, с известной точки зрения, нуждаются в тех же условиях, что и социализм[1]).

---

[1]) Мы несколько раз указывали на тот факт, что ликвидация войны повлекла за собой также и ликвидацию собственного государственного хозяйства в капиталистических странах и значительной части военных методов государственного регулирования. Но, тем не менее, по сравнению с довоенным временем после военный период характеризуется усилением концентрационного движения промышленного и финансового капиталов и большим подчинением государственного механизма воле и интересам крупного капитала, чему нисколько не противоречит обилие радикальных правительств, находящихся у власти в Западной Европе.

[2]) Вот что по этому поводу мы читаем у тов. Бухарина в «Мировом хозяйстве и империализме»: «Мобилизация промышленности, т. е. ее милитаризация проходила тем легче, чем сильнее были развиты предпринимательские организации—картели, синдикаты и тресты. Эти хозяйские союзы поставили весь свой регулирующий аппарат на службу империалистическому государству. Они обеспечили, таким образом, технически-экономическую возможность милитаризации хозяйственной жизни, начиная с непосредственного процесса производства и кончая

Другой причиной успеха государственного регулирования во время войны следует считать создание в воюющих странах замкнутого или почти замкнутого хозяйства. Многие мероприятия воюющих государств были бы сорваны, если бы существовала интернациональная конкуренция.

В особенностях замкнутого хозяйства отдавали себе отчет все практические деятели и теоретики народного хозяйства. В иных случаях значение замкнутого хозяйства явно переоценивалось. Здесь мы познакомимся с таким крайним взглядом, высказанным в 1915 г. видным немецким экономистом Германом Шумахером по частному вопросу об экономике военного хозяйства срединных держав: «Насильственный переход к существовавшему раньше лишь в теории положению «изолированного государства» сделал нас (Германию) непобедимым в финансовом отношении, ибо все, что мы имеем в смысле финансовых сил, почти все полностью остается внутри страны. Разница только в том, что оно переходит из рук в руки и, в особенности, широким и быстрым потоком течет от государства [1]) к частным лицам. Если бы война стоила нам около 1 миллиарда марок в месяц, то сумма первого военного займа (4 миллиарда) в 4½ месяца была бы возвращена народному хозяйству. Она, таким образом, почти всецело снова находится в его распоряжении. Нужно только позаботиться о быстроте и замкнутости этого оборота, тогда война прокормит себя в течение почти неограниченного времени».

Наконец, третьей и притом крайне важной причиной успеха государственного регулирования промышленности во время войны является атмосфера «социального мира», вплоть до последних лет войны, — результат шовинизма, охватившего рабочие массы, отступления от классовых позицийй профессиональных и партийных организаций и военного положения, введенного во всех воюющих странах и осуществлявшегося самым жестоким образом.

тонкостями кредитного обращения. И как раз там, где промышленность была организована картелями, ее мобилизация приняла наиболее грандиозные размеры».

[1]) Г. Шумахер не интересуется источником средств у государства Но государство монополистского периода и, в особенности, периода войны—это огромный механизм перераспределения национального дохода между классами. Это такое перераспределение, при котором доход пролетарских и мелкособственнических классов в значительной части перекачивается к крупным капиталистам.

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД.

ГЛАВА IV.

Регулирование промышленности в период военного коммунизма.

Целый ряд регулятивных мероприятий правительства пролетарской диктатуры после Октябрьского переворота в области прямого и косвенного регулирования промышленности имеет внешнее сходство с мероприятиями капиталистических государств периода империалистической мировой войны. Это особенно относится к последним годам военного хозяйства в Германии и Англии, так как в России, в силу слабости капиталистического государства, процесс усиленного государственного вмешательства в народное хозяйство не зашел так далеко, как в передовых индустриальных воюющих странах. Однако, это сходство между государственным регулированием промышленности в капиталистических странах во время войны и в период гражданской войны в Советской республике — чисто внешнее. Принципиальная основа регулирования промышленности при обоих социальных системах глубоко различна. В течение войны национальный класс капиталистов через государство стремится наилучшим образом организовать военную мощь страны и, во имя интересов всего класса капиталистов, соглашается на урезывание части сверхприбылей отдельных его групп, поставленных войной в особо благоприятные для извлечения высоких прибылей условия. Оказавшись в положении осажденной крепости, капиталистическое государство вынужденно берет на себя организацию промышленности, распределение продуктов, имеющихся в незначительном числе, между потребителями и т. д.

Совершенно иная база регулирования промышленности и народного хозяйства в переходный к социализму период. Основная черта социализма — плановое хозяйство. Государство, осуществляющее диктатуру пролетариата, ставит своей конечной целью полную экспроприацию прибыли — обобществление средств производства. В переходный период, когда сохраняются еще частнокапиталистические предприятия, государство имеет своей задачей укрепление экономической силы социалистического элемента в народном хозяйстве и этой цели служит государственное регулирование.

Однако, раньше, чем переходить на почву экономической борьбы с несоциалистическими формами хозяйства, раньше, чем экономически укреплять социалистическое начало в нашем хозяйстве, пролетариат должен был обеспечить за собой политическую базу—государственную власть, обстановку полного политического господства над враждебным классом. Борьба за власть, борьба с внутренней контр-революцией и оборона против интервенции международного империализма, заняли весь первый период Советской власти (период так называемого военного коммунизма). Экономическая политика Советской власти носила в этот период служебный характер. Она должна была обеспечить победу пролетариата в гражданской войне.

Вследствие этого, на практике, система экономических мероприятий Советской власти в период военного коммунизма в огромной степени вызывалась потребностями обостренной гражданской войны. Сложившаяся к 1920 г. система экономики советского хозяйства и есть в значительной мере отражение потребностей гражданской войны. Вся эта система характеризовалась колоссальным возрастанием прямого государственного воздействия на хозяйство и промышленность. Это происходило в стране, экономический строй которой разлагается на ряд «различных общественно-экономических укладов» (по характеристике Ленина — пять: 1) патриархальное, натуральное хозяйство, 2) мелкое товарное производство, 3) частно-хозяйственный капитализм, 4) государственный капитализм и 5) социализм).

Если бы исключить временно влияние решающего по нашему мнению фактора — гражданской войны, то, конечно, при таком экономическом характере народного хозяйства, социалистическому [1]) государству было бы целесообразнее применить более умеренные методы регулирования, сохранить большую часть мелкой промышленности на первый период ненационализированной, оставить свободу торговли, словом, начать с НЭП'а. Но таково лишь теоретическое представление о путях революции.

Можно с уверенностью сказать, что в каждой стране осуществление диктатуры пролетариата, в силу одного только неизбежного сопротивления буржуазии и необходимости лишить ее экономической базы в гражданской войне, приведет в первый период к гораздо более широкому применению национализации, чем это, может быть, было бы целесообразно для постепенного овладения национализированными предприятиями. Вообще, стратегия гражданской войны (а коммунистический переворот не может не сопровождаться гражданской войной) вызывает к жизни ряд мероприятий, необходимых с точки зрения революционной

---

[1]) В этом случае социалистический характер государства следует понимать, как тенденцию к осуществлению социализма.

целесообразности, но не вызываемых экономической обстановкой взятой изолированно от социально-политических моментов). Предположение, что коммунизм, даже при переходе политической власти к революционному пролетариату, сможет медленным темпом проникать в поры народного хозяйства, отдает несомненно реформизмом и на практике сходно с идеей медленного вростания социализма в капитализм.

На это значение военно-коммунистического и нэп'овского методов воздействия государства пролетарской диктатуры на народное хозяйство обратил внимание тов. Бухарин в речи о программе Коминтерна на V с'езде последнего. Тов. Бухарин указал, что «вначале мы рассматривали НЭП исключительно с точки зрения его политической целесообразности и считали его политической уступкой мелкой буржуазии». На самом же деле переход к коммунизму не происходит в один момент. Хозяйство переходного периода отличается многообразием хозяйственных форм. Коммунизм требует дальнейшего (против капитализма) развития народного хозяйства. Для многообразных хозяйственных формаций переходного периода необходимо соответствующее многообразие экономических стимулов их развития. Это дает именно НЭП. «Единственная правильная экономическая политика пролетариата, та, которую мы называем «новой экономической политикой», та, которая обеспечивает рост производительных сил. *Военный коммунизм — поправка к экономической политике, поправка необходимая, если иметь в виду непосредственную классовую борьбу против буржуазии».*

Конечно, при данной обстановке перед пролетарской диктатурой не было выбора и для победы социальной революции не было другого пути, как лишение враждебного класса его базы путем широкой национализации заводов, из'ятия хлеба из деревень путем продразверстки и т. д. Поэтому неправы те экономисты, которые с переходом к НЭП'у склонны были признать чуть не всю экономическую политику до нэповского периода ошибкой. Ленин, в брошюре о продналоге, говорит: «Продналог есть одна из форм перехода от своеобразного военного коммунизма, вынужденного крайней нуждой, разорением и войной, к правильному продуктообмену», или «Военный коммунизм был вынужден войной и разорением. Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой. Он был временной мерой». Еще более ярко эта мысль выражена в докладе Л. Д. Троцкого XI партийному с'езду:

«При переходе от капитализма к нашему революционному строительству, которое мы потом назвали военным коммунизмом, мы попытались — вынуждены были к тому всем ходом гражданской войны — заменить все эти сложные махинации торговли,

спроса и предложения, биржи — централизованным усмотрением наших главков. Общей задачи организации хозяйства мы на этом пути не разрешили и разрешить не могли, но текущие нужды армии и рабочих, хотя и в очень скудном размере, удовлетворили. Мы открыто признали потом, что хозяйство построить таким путем невозможно; одним централизованным плановым усмотрением в нашей стране, при нашем экономическом уровне, мы не можем производить регулировку хозяйственной жизни и мы обратились к дьяволу рынка».

И. Смилга ставит вопрос: почему именно в период военного коммунизма наблюдается наибольшее разрушение производительных сил страны? и так отвечает на него: «в период военного коммунизма интересы экономики и техники были целиком подчинены интересам политической борьбы и войны».

К этому мы можем только добавить, что, как нам кажется, при оценке периода военного коммунизма, следует более резко выпячивать не столько разруху и войну, сколько именно беспрерывно происходившую борьбу с буржуазией. Система военного коммунизма и была целиком орудием борьбы с буржуазией, разрушением до основания экономической базы капитализма. В этом ее основной смысл и «оправдание».

Оценивая экономический и политический смысл экономической системы военного коммунизма, было бы, конечно, невозможно игнорировать чисто политическое значение мероприятий военного коммунизма, служивших повседневной агитацией за принцип коммунизма. Близость непосредственного осуществления социализма, борьба за завтрашнее, даже сегодняшнее осуществление величайшей цели революции несомненно сыграли роль чрезвычайного по силе фактора, способствовавшего сохранению—в течение трех лет фронтов, кулацких восстаний и голода—исключительного в истории энтузиазма трудовых масс.

Выше мы указывали, что экономическая система военного коммунизма в значительной мере являлась отражением потребностей гражданской войны. Этим, конечно, не исчерпывается ее значение. Сам по себе военный коммунизм представляет собой опыт построения стройного социалистического хозяйства. Экономика Советской России периода военного коммунизма базировалась на основных чертах социалистического хозяйства: 1) национализации всех средств производства, 2) системе распределения, заменившей торговлю, 3) системе продразверстки, т. е. сдачи крестьянством всей своей продукции государству, за вычетом части ее, идущей для личного потребления, 4) потери совзнаками 90% своих свойств, как денег, 5) планировании всего народного хозяйства и 6) декларировании трудовой повинности и права гражданина на труд и пр. Опыт военного коммунизма, помимо теоре-

тического интереса, имеет колоссальное практическое значение в дальнейшем развитии социалистического строительства, как в России, так и вне ее, в каждой стране, осуществляющей переход к социалистическому строю.

Построение социалистической системы производства и распределения столь развитого типа, как при военном коммунизме, не отвечало степени экономического развития России, чем и об'яснялись постоянные прорывы установленной экономической системы: массовое мешочничество, труддезертирство, фактическое отсутствие единого плана в хозяйстве и т. д. Экономическая система военного коммунизма, как указывалось выше, вызывалась условиями гражданской войны и именно в гармонировании ее с революционной обстановкой заключалась ее целесообразность. Условием осуществления планового социалистического хозяйства является в первую очередь — известная степень развития производительных сил страны. В 19 г., когда сформировалась в основных чертах экономическая система военного коммунизма, разруха в народном хозяйстве Советской России была очень велика, и об'ективные условия нисколько не благоприятствовали восстановлению народного хозяйства. Даже теперь в 1924 году, после того, как народное хозяйство серьезно окрепло, мы еще очень далеки от той степени укрепления народного хозяйства, которая позволила бы перейти к осуществлению полного планового хозяйства даже в государственной промышленности.

Обратимся к практике системы регулирования промышленности.

Краеугольным камнем экономической политики Советской власти была (и должна была быть) национализация промышленности. Было абсолютно необходимо усилить место социалистических элементов народного хозяйства (см. выше схему Ленина). В области национализации промышленности можно отметить три вполне очерченных периода: 1) первый период стихийной национализации, 2) период организованной национализации крупнейшей и средней промышленности и 3) национализации остальной части промышленности.

В первый период (вплоть до декрета о так называемой всеобщей национализации 1918 г.) советское государство еще не имело никакого плана национализаций. Не было специальных органов, занимавшихся национализациями. По анкете отдела экономических исследований ВСНХ, предпринятой в 1918 г., выяснилось, что национализацией и секвестрацией предприятий были заняты самые различные организации: центральные органы, Моссовет, районные советы, коммунальные отделы, различные главки и др. Весьма распространенным явлением было простое декретирование общим собранием рабочих фабрики ее отход от собствен-

ника, которое лишь в дальнейшем подтверждалось государственными органами. В огромной своей части непосредственным поводом национализации являлся отказ предпринимателя от подчинения декрету о рабочем контроле или нежелание его продолжать производство из-за убыточности его или просто эмигрирование предпринимателя[1]. По указанию «Народного Хозяйства»,—свыше 70% национализаций было обусловлено карами против предпринимателей.

Реже бывали национализации, мотивированные общегосударственным значением предприятия. По 1 июня 1918 г. тов. Милютин насчитал национализацию 513 предприятий. Из них областными органами советов национализировано—51% всех национализированных предприятий местными органами—29% и всего лишь 20% предприятий национализировано центром.

Этот ход национализации вполне естественен, ибо борьба с буржуазией осуществлялась каждым местным Советом Рабочих Депутатов, а центральная Советская власть не имела еще аппарата и щупальцев по всей провинции.

Второй этап национализаций открывается так называемым декретом о всеобщей национализации от 28 июня 1918 г. Декрет этот начинался так: «В целях решительной борьбы с хозяйственной разрухой и для упрочения диктатуры рабочего класса и деревенской бедноты, СНК постановляет: 1) об'явить собственностью РСФСР нижеуказанные, расположенные в пределах Советской Республики промышленные и торговые предприятия со всеми их капиталами и имуществами, в чем бы они ни заключались». Вслед за этим шел длинный перечень индивидуально национализированных предприятий или отраслей промышленности, в котором национализирование обуславливалось: 1) известной минимальной суммой капитала, вложенного в предприятие, или 2) принадлежностью акционерному обществу. Декрет о национализации, как и все последующие декреты, лишь провозглашал национализацию, но фактическое ее проведение откладывал на некоторое время, поручив порядок его разработать соответствующим главкам. В декрете о национализации указывалось даже, что впредь до окончательного осуществления национализации, предприниматели сохраняют свое прежнее положение в области финансирования предприятий и получения дохода от него на прежнем основании, что свидетельствует об отсутствии предварительной подготовки национализации. Эта часть декрета ясно указывает на политическую основу массовой национализации. Прав тов. Милю-

---

[1]) Национализация промышленности при пролетарской диктатуре носила, конечно, в противоположность национализациям военной эпохи капитализма, характер конфискации, без всякого возмещения бывшим владельцам предприятия. Это была «экспроприация экспроприаторов».

тин, когда полемизируя с меньшевиками, указывавшими на неорганизованность национализации, ссылался на тупость закоренелых социалистов-реформистов, представлявших себе социальный переворот чем-то в роде парада и не учитывавших обстановку переворота — гражданскую войну.

К концу этого периода окрепшие уже центральные органы пролетарской диктатуры стремятся ввести в одно русло поток национализаций, устанавливая их порядок.

Параллельно с национализацией промышленности советское государство национализировало банки, торговый флот и провозгласило монополию внешней торговли. Таким образом, вслед за захватом власти пролетариатом, в его руки перешли важнейшие нервы и мускулы народного хозяйства, «командные высоты», как у нас принято выражаться.

После декрета о всеобщей национализации огромная часть промышленных предприятий республики (на территории, занятой Красной армией) оказалась государственной. Конец 1918—1919 года прошел в элементарном овладении национализированными предприятиями. В 1920 году начался третий период национализаций. В ноябре 1920 года был опубликован декрет о национализации мелких предприятий: «Все промышленные предприятия, находящиеся во владении частных лиц или обществ, имеющие число рабочих свыше 5-ти при механическом двигателе, или 10-ти без механического двигателя, об'являются национализированными».

Тов. Осинский, председатель Высшего Совета Народного Хозяйства первого созыва, формулировал еще в 18 г. в теоретической форме мотивы, побудившие к расширению сферы национализации. «Капитализм и буржуазия, как класс, не могут существовать (совместно) при условии регулирования хозяйства пролетариатом». «Буржуазия и пролетариат — два кровно враждебных класса; нельзя, чтобы один класс владел, а враждебный класс только учитывал, контролировал и регулировал; государственный капитализм — экономическая форма *капиталистической* организации производства, осуществляемая тогда, когда власть в руках буржуазии». Теперь мы знаем, конечно, что теоретически возможна форма экономической деятельности буржуазии в государстве пролетарской диктатуры (НЭП), но это возможно лишь после того, как политическая и, в огромной мере, экономическая мощь буржуазии ликвидирована, а пролетарское государство окрепло; инициатива допущения буржуазии к предпринимательской деятельности исходит в таком случае от пролетарского государства; сфера применения частного капитала ограничена, самая деятельность подчинена контролю, нормы прибыли ограничены и т. д. Но в условиях продолжающейся гражданской войны в 1920 г. сотрудничество предпринимателей (даже мелких) с пролетариатом

было невозможно. Вся система регулирования народного хозяйства в этот период, в частности: полное запрещение частной торговли, нормирование цен и пр. делали невозможным капиталистическое предпринимательство, что, с другой стороны, побуждало государство, в целях охраны имущества мелких предприятий и обеспечения рабочих работой, к новой национализации.

Тотчас же после Октября стал вопрос об управлении национализированной промышленностью и о регулировке всего хозяйства. Первой ячейкой, на которой базировалось управление предприятиями и через которую осуществлялись обычно самые национализации,— был «рабочий контроль» на фабриках с момента Октябрьской революции, декретированный в безусловно обязательной форме. Изданный 14 ноября 1917 г. декрет о рабочем контроле гласил: «В интересах планомерного регулирования народного хозяйства во всех промышленных, торговых, банковских и других предприятиях, имеющих наемную работу или же дающих работу на дом, вводится рабочий контроль над производством, куплей, продажей продуктов и сырых материалов, хранением их, а также над финансовой стороной предприятия». Рабочий контроль способствовал целости фабрик при уходе предпринимателей, и, главным образом, сохранению на фабриках запасов сырья, топлива, материалов. Еще в первом декрете о рабочем контроле было установлено, что решения органов рабочего контроля обязательны для владельцев предприятий и отменяются лишь постановлением высшей организации рабочего контроля.

Постепенно, с укреплением центральных органов, деятельность ячеек рабочего контроля вводилась рядом инструкций в определенные рамки. С расширением сферы национализированной промышленности ячейки рабочего контроля слились в своей работе частично с органами, управляющими промышленностью, частично с огосударствленными профсоюзами. Следует отметить, что ячейки рабочего контроля были об'единены в местных советах и в центре был организован Высший Совет по рабочему контролю.

Как об этом свидетельствует тов. Осинский, первоначально предполагалось всю систему управления промышленности провести через органы рабочего контроля. Опыт первых же месяцев революции подсказал, что рабочий контроль — временная форма классовой борьбы и что на рабочем контроле невозможно строить управление социалистической промышленностью.

Была сделана попытка организовать регулирующие и управляющие производственные центры вместе с предпринимателями; она кончилась, конечно, полной неудачей. Как на характерный пример, тов. Г. Пятаков в своей статье об организационных формах государственной промышленности, помещенной в «Ежегоднике Коминтерна», указывает на «Центротекстиль», который по своему по-

ложению от 1 апреля 18 г. состоял из рабочей группы (30 чел.), представителей предпринимателей (15 чел.), представителей центральных органов власти (11 чел.), представителей рабочих организаций (8 чел.), представителей инженеров, бухгалтеров и т. п (6 чел.) и представителей кооперации (3 чел.).

Этот перечень различных представительств и вся невероятная громоздкость конструкции одного из управляющих органов промышленности иллюстрирует, между прочим, общий принцип организации управления промышленностью—широкая коллективность (коллегиальность) управления, как в центре (состав ВСНХ—70 ч.), так и на предприятии. В этой коллегиальности также нашла себе отражение основная черта военного коммунизма: подчинение экономики политическим целям. Само собой разумеется, что громоздкие органы, руководившие промышленными предприятиями, не могли хорошо работать. Но свою политическую роль—роль широких ячеек Советской власти на предприятиях и роль школы общественной работы пролетариата—эти коллегиальные органы несомненно сыграли.

Уже 5-го декабря 1917 года был создан центральный орган по управлению и регулированию промышленности — Высший Совет Народного Хозяйства. На первый порах назначение ВСНХ было не вполне ясно. Он был организован, как экономический отдел ВЦИК и представлял из себя огромную комиссию. Он конструировался из 70—80 человек: 10 от ВЦИК'а, 30—от ВЦСПС и союзов, 20—от областных СНХ, 2—от кооперации и 7—8 от различных экономических комиссариатов. Первый пункт декрета от 5-го декабря гласил: «Высший Совет Народного Хозяйства регулирует и организует все производство и распределение и управляет всеми предприятиями республики». Совершенно очевидно, что ВСНХ не мыслился только, как наркомат промышленности, тем более, что сохранялся старый комиссариат торговли и промышленности. К тому же, в декрете от 5-го декабря указывалось, что все сметы госбюджета должны предварительно рассматриваться в ВСНХ. Уже в 1918 г. ВСНХ получил более определенную, хотя тоже весьма широкую конституцию.

«Задачей ВСНХ является организация народного хозяйства и государственных финансов [1]). С этой целью ВСНХ вырабатывает общие нормы и план регулирования экономической жизни страны, согласует и об'единяет деятельность центральных и местных регулирующих учреждений: совещание по топливу, транспорту, металлу; центральный продовольственный комитет, соответствующих

---

[1]) Любопытно отметить, что и в Венгрии, по свидетельству Е. Варга, ВСНХ состоял из 4 экономических комиссариатов. В сущности, по идее и венгерский и наш ранний ВСНХ—это СТО периода НЭП'а, вполне слитый с Госпланом.

народных комиссариатов (торговли и промышленности, продовольствия, финансов, военно-морского и др.), Всероссийского Совета Рабочего Контроля, а также соответствующую деятельность фабрично-заводских и профессиональных организаций рабочего класса».

«ВСНХ предоставляется право конфискации, реквизиции, секвестра, принудительного синдицирования различных отраслей промышленности и торговли и прочих мероприятий в области производства, распределения и госфинансов». Все существующие учреждения по регулированию подчиняются ВСНХ. Все законы по регулированию предварительно проводятся через ВСНХ. «ВСНХ образуется из Совета Рабочего Контроля, из представителей экономических комиссариатов и сведущих лиц».

В то же время была предусмотрена организация районных и местных Совнархозов. «В целях организации и регулирования всей экономической жизни каждого промышленного района, в соответствии с обще-государственными и местными интересами, организуются при Совдепах Советы Народного Хозяйства, как местные органы, по организации и регулированию производства, руководимые ВСНХ и действующие под общим контролем С. Р. Д.».

В дальнейшем процессе работы ВСНХ ограничил свою компетенцию и из органа, представляющего собой междуведомственное совещание экономических комиссариатов, превратился в наркомат промышленности с рядом функций в области распределения. Наркомат Промышленности и Торговли постепенно распределил свои функции между ВСНХ и Наркомпродом. Фактическое управление национализированными предприятиями, планирование всей отрасли промышленности и часть функций по снабжению населения продукцией промышленности взяли на себя, так называемые главки и центры, организованные при ВСНХ в очень значительном числе.

Главки должны были быть важнейшими проводниками социализма. На них были возложены колоссальной важности задания. Главки призваны были осуществить строжайший учет национализированного имущества и дальнейший учет изменения в составе оборудования изготовляемого продукта, запасов сырья, материалов, отчетности, финансов и т. д. С другой стороны, главки должны были овладеть управлением всеми предприятиями, суметь выделить из них наиболее жизнеспособные, произвести необходимую концентрацию, согласовать производственные программы всех предприятий [1]). Главки же разрабатывали планы и большей

---

[1]) Окончательное утверждение программы и согласование программ отдельных отраслей промышленности производилось президиумом ВСНХ, а впоследствии специальным органом—Центральной Производственной Комиссией.

частью осуществляли снабжение всех подчиненных им предприятий материалами, сырьем, частями оборудования; и, наконец, распределение выработанного продукта между потребителями производилось также главками. При этом главки были построены на исключительно централистских началах. Главки по заданию своему обнимали всевозможные стороны производства и распределения своей отрасли промышленности.

По своему назначению они воплощали идею центральных органов, управляющих производством и распределением в хозяйстве, осуществившем на все 100% принципы социализма.

Такова была идея главкизма. Осуществление этой идеи в обстановке гражданской войны и продолжающегося разрушения хозяйства—было невозможно. Практическая деятельность главков, как в области учета, так и в области производства и распределения была, по видимому своему эффекту, неудачна. В последующий период НЭП'а самый термин «главкизм» употреблялся в тех случаях, когда желательно было указать на полную доказанную негодность методов управления промышленностью. Мы приведем ниже обстоятельную характеристику деятельности главков, данную им членом Президиума ВСНХ тов. Долговым, в статье, помещенной в «Материалах к XII партийному с'езду», так как она дает обширный фактический материал для суждения о результатах их деятельности, и впоследствии возвратимся к качественной оценке этой важнейшей формы управления промышленностью.

«Сущность «главкизма» заключалась в том, что каждая отрасль промышленности имела в ВСНХ определенную организационную ячейку—Главное или Центральное Управление той или иной отрасли промышленности, которые по технологическому признаку об'единялись в мощные отделы, как, например, Химотдел, Металлотдел и т. д., но внутри них были в достаточной степени автономны. При этом «специализация» шла чрезвычайно далеко, и мы имели самостоятельные Главные Управления («Главки») в таких ничтожных по об'ему производства и его удельному весу отраслях, как хотя бы производство карболитовых изделий. возглавлявшееся своим собственным «Главкарболитом»; реже производство подчинялось менее автономным ячейкам—«секциям» отделов, как например, москательное производство, об'единявшееся «Москательной Секцией» Химотдела ВСНХ. Этим главкам и центрам были подчинены непосредственно или через местные органы ВСНХ все сколько нибудь значительные предприятия данной отрасли промышленности. При этом наиболее крупные предприятия управлялись непосредственно из Центра (так называемые предприятия 1-й группы); средние предприятия находились под бдительной опекой Центра, но отчасти были подчинены и Губсовнархозам (так называемые предприятия II группы) и лишь самые мел-

кие предприятия находились в действительном заведывании местных органов ВСНХ (так называемые предприятия III группы). Следует отметить, что положение предприятий II группы всегда было несколько двойственным и неопределенным, и, благодаря значительной организационной слабости местных органов ВСНХ, центрам и главкам, опирающимся на авторитет центрального органа ВСНХ, удавалось весьма часто ставить их в положение, аналогичное предприятиям I группы.

«Благодаря этому, в непосредственном ведении некоторых главков оказались многие сотни и даже тысячи предприятий. Достаточно указать в этом отношении на Главмуку, Главрасмасло, Главтекстиль и др. Сведения, имевшиеся в Центре о всех этих многочисленных предприятиях, были весьма скудны, в большинстве случаев носили лишь формальный характер; технические и производственные характеристики предприятий обычно отсутствовали; о подробных описях имущества не приходилось даже думать: при национализации не было времени их составлять, заводские же архивы не поддерживались на должной высоте. Следить за динамикой производства было также в высокой степени трудно, особенно, если предприятия были расположены в удаленных районах, сношения с коими были затруднены до крайности. Исключение составляли лишь заводы военной промышленности и немногие крупные предприятия металлической и химической промышленности, на которые было обращено сугубое внимание, в силу их особой важности для государства. В общем же и целом эта перегрузка Центра непосредственно подчиненными ему предприятиями приводила к весьма плохой осведомленности его о фактическом положении дела на местах. Если даже сведения и получались, то с большим запозданием, и никакой бюрократический аппарат, как бы он ни был многочисленен (а он таким и был), не мог удовлетворительно справляться с задачей своевременного наблюдения за производством и руководства им из Центра. Вследствие этого, даваемые на места директивы сплошь и рядом не отвечали действительному положению дела или опаздывали и вносили на местах лишь путаницу. Но, если трудно было положение Центра, то места были уже вовсе в безвыходном положении. В самом деле, применяясь к существующим организационным формам промышленности, Губсовнархозам приходилось обзаводиться большим количеством отделов, входивших органически в его состав, но получавших директивы из соответствующего главка или центра, и, если эти директивы не совпадали, а это было обычным явлением, так как руководящий орган ВСНХ не мог охватить всей работы своих главков и центров, то ВСНХ приходилось вступать в длительную борьбу с ВСНХ на почве отстаивания местных, увязанных в губернском масштабе интересов. Еще в конце 1921 г. такие уда-

ленные Губсовнархозы, как, например, Иркутский и Красноярский, получали от наших главков кожевенной и пищевой промышленности директивы не только производственного, но и организационного характера, непосредственно, минуя Сибревком и Сибпромбюро, что совершенно противоречило и положениию об этих последних органах, и сложившейся практике, и ставило эти ГСНХ в достаточно затруднительное положение».

Возвращаясь к оценке деятельности главков, необходимо констатировать, что в общей системе регулирующих органов периода военного коммунизма, главки занимали весьма выдающееся место. Главкизм в значительной мере имеет то же об'яснение, что и вся система хозяйства и политики при военном коммунизме. Это была политико-хозяйственная система, целиком подчиненная интересам гражданской войны. Отрыв главков от управляемых ими предприятий об'яснялся условиями разрухи: он в данных условиях не имел особенного значения, так как народное хозяйство разрушалось и в этих условиях не могло не разрушаться. Важнее всего были: экспроприация фабрик у буржуазии и сохранение на фабриках и заводах основных кадров рабочих—базы социальной революции. Никакие органы и, конечно, также главки не могли бы возродить хозяйство в этот период гражданской войны или даже существенно замедлить его разрушение. Поэтому, несомненные бюрократические извращения главкизма, которые послужили бы тормазом восстановления промышленности в другой хозяйственной обстановке (например, после прекращения гражданской войны), не оказывали существенного влияния на работу промышленности. Сама по себе неэкономная и нерасчетливая система главкизма принесла в тех условиях ту положительную пользу, что способствовала, как это признает и тов. Долгов, сохранению (и снабжению) крупнейших предприятий, содержание которых на ходу было с экономической стороны—наименее выгодно, а с политической—наиболее целесообразно.

Рассматривая с этой точки зрения регулирование промышленности Высшим Советом Народного Хозяйства, приходится разделять плановые предположения высших органов от их фактического осуществления. Конечно, и в плановых предначертаниях, поскольку они не могли вовсе не учитывать реальной обстановки в стране, не было важнейших элементов единого социалистического хозяйственного плана, но все же ВСНХ время от времени подготовлял проведение крупнейших экономических кампаний, отражавших его стремление приблизить хозяйство РСФСР к плановому хозяйству. Из таких крупных мероприятий следует указать, например, на стремление ВСНХ перевести заводы на мирное производство, демилитаризовать их. Демобилизации промышленности уделялось особое внимание и ее недостаточному осуществле-

нию приписывался недостаток товаров. С другой стороны, уже и тогда, хотя и в малом масштабе, главки стали проводить концентрацию производства. Так, был произведен отбор металлопредприятий, закрыто 50% отсталых текстильных предприятий; при финансировании машиностроительных заводов было предложено перейти на выработку сельско-хозяйственных машин в запас; позже была запрещена постройка новых паровозов и обращено исключительное внимание на ремонт паровозов; в металлопромышленности, работающей на транспорт, было применено трестирование, т. е. непосредственное слияние нескольких предприятий в отношении управления ими. (Гомза, Гоэлро, ЦПКП и др.). Главметалл распорядился об экономии железной руды (использование 80% лома и стружки при выплавке чугуна) и т. д.

Экономические результаты этих мероприятий были, однако, невелики. Отчасти это происходило потому, что предприятия испытывали на себе влияние различных регулирующих органов.

Создание Высшего Совета Народного Хозяйства и всей сети главков не сконцентрировало всего дела регулирования в одном центре. Анкета Отдела Экономических Исследований ВСНХ, проведенная в 18 году, установила, что в одной только Москве огромный ряд учреждений, как-то: ВСНХ и его главки, Советы Рабочих Депутатов, районные Советы, Коммунальные Отделы, различные отделы Наркомпрода и многие другие учреждения практиковали целый ряд мероприятий регулятивного характера от конфискаций до финансирования и обложения налогами.

С другой стороны, неуспех этих мероприятий вытекал из одной характерной особенности всей системы народного хозяйства того времени — отсутствия балансов отдельных предприятий, какого либо соотношения между ценой и себестоимостью, постоянной пропорции между сдаваемыми государству ценностями (или количеством затраченного труда) и получаемыми от него материальными благами. По составленной смете предприятие получало из центра деньги, по спискам—продовольствие, по нарядам также из центра—техническое снабжение. Вне зависимости от этой сметы вся продукция предприятия сдается центру. Процент удовлетворения сметы ни в какой мере не связан со степенью выполнения производственной программы. Эта черта хозяйства военного коммунизма об'яснялась отчасти неналаженностью учета и в большей мере тем, что принцип непосредственной экономической выгоды всегда уступал принципу революционной целесообразности.

В области труда первым же шагом Советского правительства было провозглашение 8-ми часового рабочего дня, права гражданина на труд и чрезвычайно широкого законодательства по охране труда. На ряду с этим, важнейшим мероприятием Советской власти явилось декретирование трудовой повинности. Безработным

воспрещалось отказываться от предлагаемой им работы. В области заработной платы краеугольным камнем политики Советской власти явился уравнительный принцип (соотношение между разрядами тарифной сетки 1 : 4 при запрещении всяких внескальных ставок), а также принцип нивеллировки зарплаты во всех национализированных предприятиях (единая сетка), никогда, впрочем, не осуществлявшийся на практике. В отношении форм оплаты произошла та перемена, что ликвидировалась всякая связь между личной интенсивностью труда рабочего и получаемым им вознаграждением. Кроме того, условия организации производства, качество сырья, падение трудовой дисциплины, вызванные общими условиями гражданской войны, обусловили колоссальное падение производительности труда в эти годы. До войны приходилось в год продукции на 1 работника 2181,1 руб., в 20—21 г. всего 540 рублей. Профессиональный состав рабочих на фабриках, благодаря отливу их на фронты гражданской войны, в организационную работу, в деревню и т. п. значительно ухудшился.

Профсоюзы и, в особенности, завкомы, слившиеся в 1918 г. в одну всероссийскую организацию, явились опорой диктатуры пролетариата в организации хозяйства и в гражданской войне. При этом в начале на революционной классовой позиции стояли в большинстве одни фабзавкомы, так как, стоя ближе к массам, они отражали их революционные настроения, тогда как профсоюзы (сравните с большинством буржуазных стран), вначале были захвачены меньшевистски настроенными союзными бюрократами.

После национализации банков, флота и промышленности важнейшей частью экономической политики военного коммунизма явилась система распределения, заменившая собой обычную организацию обмена—торговлю—в капиталистическом строе.

Система распределения—есть одна из наиболее сложных проблем осуществления социализма. Если советское государство постепенно ликвидировало при военном коммунизме рынок и рыночные отношения, то это вызывалось, главным образом, 1) прямым недостатком средств потребления и стремлением распределить наличный остаток наиболее целесообразно, (ср. карточные системы в различных странах во время войны) и 2) в большей мере, стремлением уничтожить базу враждебного частного капитала—рынок. Тов. Крицман [1]) совершенно правильно формулирует смысл этой борьбы пролетарской революции с рынком: «Подавление контр-революционного сопротивления капитала в условиях гражданской войны, т. е. невырешенности самого строя общества, невозможно без подавления рынка. Ибо рынок—это питательная среда капитала, источник его силы, а значит и его контр-революционной силы, необходимая для него атмосфера, вне которой он,

[1]) Л. Крицман. «Три года новой экономической политики».

лишенный собственности на средства производства, существовать не может». То же понимание роли рынка в гражданской войне между капиталом и пролетариатом мы находим в книге тов. Осинского (изд. 1918 г.). «Рынок»—это тот очаг заразы, из которого постоянно возникает зародыш капиталистического строя».

Мероприятия Советского правительства в области замены торговли системой распределения развивались постепенно. Уже в самом начале 1918 г. декретом Совнаркома на Компрод была возложена организация «правильного товарообмена в государственном масштабе». Компрод должен был распределять населению 33 рода предметов (не считая сортов) — промышленных изделий. Компрод должен был установить порядок и нормы выдачи товаров, причем декрет предусматривал заранее два принципа этого порядка: во-первых, к организации распределения должна быть привлечена беднота в деревне, и, во-вторых, государственные затраты должны быть возмещены поступлением по товарообмену сельско-хозяйственных продуктов.

Частным лицам тем же декретом был запрещен обмен продуктов города на хлеб. В инструкции Компрода по применению этого декрета на местах устанавливались следующие принципы: погубернский план распределения товаров определяется Компродом. В пределах губернии и уезда товар распределяется в соответствии с количеством хлеба, сданного населению. Однако, коренным принципом распределения явилось отрицание или даже запрещение эквивалентности сданного хлеба полученным фабрикатам в индивидуальном хозяйстве. Так, один пункт инструкции гласил о том, что выдача товаров в деревне должна быть, по возможности, равномерна, а другой дословно следующее: «выдача товаров непосредственно отдельным сельским хозяйствам за сданный ими хлеб ни в коем случае не допускается. Необходимо распределение товара между всем нуждающимся населением, дабы побудить неимущих воздействовать на имеющих хлеб, понуждая его к сдаче». Несмотря на приведенную в инструкции мотивировку, можно безошибочно указать на принципы классовой политики—гражданской войны с кулаками, которые продиктовали эту меру.

В том же 1918 г. в хлебных местностях был установлен так называемый обязательный товарообмен, в силу которого промышленные товары отпускались деревням только в случае сдачи ими «соответствующего» количества сельско-хозяйственных продуктов.

Ряд продуктов—изделий промышленности был монополизирован государством и частная торговля ими была запрещена еще в течение первого года революции. Так об'явлены были монополии на сельско - хозяйственные машины, ткани, спички, свечи, рис, кофе, перец, привозные пряности, позже на горнодобывающие машины и металлы, 26-го ноября 1918 года об'явлена государствен-

ная монополия на нижеследующие предметы: калоши, подошвенные и резиновые пластины, изделия фабрик желтых табаков, махорочных и сигарных и гильзовых, сахарин, изделия крахмало-паточных заводов, изделия кондитерских фабрик, чай, какао и фабричные их суррогаты, соль, изделия ткацких фабрик, швейные нитки, обувь фабричного производства, керосин, смазочные масла нефтяного происхождения, фабричного производства гвозди, подковы и подковные шипы, всякого рода железо, мыло фабричного производства, изделия сахарных и сахаро-рафинадных заводов, писчая, почтовая, оберточная и папиросная бумага, охотничий порох и всякие привозимые из-за границы для личного потребления населения продукты.

21-го ноября 1918 г. декретом о снабжении «в целях замены частно-торгового аппарата и для планомерного снабжения населения всеми продуктами из советских и кооперативных распределительных пунктов» на Наркомпрод была возложена заготовка всех продуктов для личного потребления и домашнего хозяйства служащих и рабочих. Наркомпрод должен был получить эти продукты от главков в соответствии с планами использования. Наркомпроду поручалось развить сеть государственных лавок и складов и использовать находящиеся у него под контролем, но не подвергнувшиеся национализации кооперативные лавки.

На основании этих декретов, почти все главки и центры имели свои централизованные планы снабжения подведомственными ими товарами всей России. Однако, установлено отделом исследований ВСНХ, что не только значительная часть отправленных грузов не доходила на места назначения, но что самая отправка производилась без всякого соответствия с планом. Вот что, например, установил в результате обследования вышеуказанный отдел ВСНХ: «Компрод в апреле месяце предположил к отправке 182.500.000 арш. хлопчато-бумажных тканей. Между тем, транспортный отдел Центротекстиля выполняет наряды не только по 147 очередной разверстке, но и по более ранним, начиная с 8-й. На 17-е августа отправлено всего 11 милл. аршин или 6%, причем в некоторые губернии был огромный перегруз (55%)»; «Народное Хозяйство» признает, что в первый период планы снабжения выполнялись» на 10—5—3 и даже 2%, т. е., иначе говоря, оставались вовсе на бумаге.

Для об'единения всего дела снабжения при ВСНХ еще в 1918 г. была организована междуведомственная «комиссия использования», в составе представителей ВСНХ, НКПрода, НКВТ, ВЦСПС и др. Эта комиссия стремилась составить единый план снабжения. План использования каждого продукта должен был указать, какая часть продукта идет на промышленное потребление, какая на личное, на вывоз или в резерв. Еще в 1919 г. комиссия была принуждена

рассматривать заявки отдельных крупнейших потребителей. Так в I полугодии 1919 г. она удовлетворила 71 заявку, во втором— 92, в 1920 году соответственно—54 и 63. В то же время комиссия стремилась составить полный план использования продукта. Таких было составлено: в 1918 г.—19, в 1919 г.—44, в 1920 г.—55. Комиссия использования явилась лишь центральным органом и использовала аппараты всех главков и проч. распределительных организаций числом — 150. Комиссия использования утверждала лишь общее распределение, тогда как детализацию устанавливали главки и другие организации. Одновременно комиссия использования утверждала также условную статистику населения по группам и устанавливала в подлежащих случаях душевые нормы.

По общему признанию, до самого конца системы распределения учет в распределительных государственных органах оставался в ужасном состоянии и планы использования осуществлялись в ничтожной части, хотя по уверению тов. Крицмана приближались постепенно к реальным.

В распределении функций между различными распределительными органами не было должного разграничения вплоть до их ликвидации, что признается «Народным Хозяйством».

Накануне НЭП'а составлялись планы использования по следующим 48 группам продуктов и материалов: аптека, посуда, бумага, бутылки, вата, войлок, стекло, жир, керосин, бензин, кож-обмундирование, кожа, колесная мазь, канцелярские принадлежности, кондитерские изделия, ламповые комплекты, льняные нитки, махорка, табак, мелкие металлические изделия, меляссы, межа, полушубки, нитки, оконные стекла, обувь, пакля, патока-глюкоза, приводы, ремни, изоляционные материалы, пенька, посуда, сапожная фурнитура, сахар, сахарин, сахарный брак, свечи, соль, спирт, одеколон, спички, сухой крахмал, трикотаж, хлопчато-бумажные изделия, чай, кофе, картофельная патока, олеиновая кислота. Общее число продуктов, распределяемых по этим планам, 352, число сортов много больше.

При всем том потребители значительную часть потребляемых ими товаров приобретали на нелегальном рынке.

Конец 1920 года ознаменовался частичной децентрализацией системы распределения; Губсовнархозом был забронирован некоторый фонд изделий для самостоятельного распределения.

Вот что пишет об этом первом ослаблении системы главкизма тов. Г. Пятаков [1]: «Первой реакцией на эту систему была оппозиция мест на VIII с'езде советов. К этому времени губернские советы народного хозяйства и губисполкомы значительно окрепли. С другой стороны, жесткие планы, проводимые сверху, по ряду об'ективных причин не выполнялись. Возникла острая борьба

[1]) Ежегодник Коминтерна.

против главкизма, в результате которой постановлением VIII с'езда все, как постоянные, так и временные местные органы были целиком подчинены исполкомам. Последним были подчинены и административно-хозяйственные учреждения наркоматов. Губсовнархозы стали в первую очередь органами губисполкомов. Лишь I группа предприятий осталась в вертикальном подчинении главкам, при чем была дана директива постепенно сокращать I-ю группу».

С делом распределения тесно связана нормировка цен. В начале не существовало плана в назначении цен, ибо таковые назначались самыми разнообразными и местными и центральными органами. С 1918 г. цены, как правило, были нереальны, т. е. очень далеко отставали от рыночных в отношении тех товаров, которые поступали на рынок. При этом, нередко устанавливалось колоссальное несоответствие между нормированными продуктами, относительно довоенных цен. Так, в 1918 г. 1 пуд ржи стоил 4 руб. 20 коп., в то время, как картошка взлетала до 15 руб. ВСНХ стремился установить между важнейшими товарами пропорции довоенного времени. Так, когда 1-го июля 1918 года государство распорядилось о переброске на товарообмен 700 милл. арш. тканей, был установлен довоенный паритет — 1 пуд ржи = 6 арш. ситца при общем коэффициенте к довоенным ценам — 19. Этот принцип нужно поставить в связь с господствовавшим представлением об отмирании денег.

Не приходится, конечно, говорить, что незначительные твердые цены ни в каком отношении не базировались на себестоимости продукта: в большинстве случаев цена и себестоимость продукта были несоизмеримы.

При нормировке цен весьма скоро выяснилось, что государство не в силах осуществить жесткую нормировку, если в его руках не сконцентрированы значительные массы товара. Это обстоятельство послужило лишним побуждением к национализации запасов товара.

Итак, попытаемся резюмировать. Экономическая система военного коммунизма по своим формальным признакам есть система, приближающаяся к социалистической. Ее основные элементы: национализация всей промышленности, обязательное отчуждение государству всех сельско-хозяйственных продуктов (кроме доли личного потребления), распределение вместо неорганизованного обмена, централизация управления, снабжения и распределения, отмирание денег, монополия внешней торговли. Эта система хозяйства не могла послужить формой для развития производительных сил и направления их в русло социализма, так как народное хозяйство РСФСР, представлявшее из себя комбинацию «различных хозяйственных укладов», с количественным преобладанием мелко - собственнических форм, вообще не созрело для высокой

ступени социализма и кроме того, в результате империалистической и гражданской войн беспрерывно деградировало.

Фактически экономическая система военного коммунизма в той мере, в какой она осуществлялась, отвечала потребностям гражданской войны и помогла сломить силу экономического и политического сопротивления буржуазии, т. е. способствовала созданию первых элементарных условий дальнейшего социалистического строительства в переходную эпоху.

Отдельные институты экономики военного коммунизма сложились под влиянием взаимодействия трех факторов, корни которых связаны с гражданской войной, вызвавшей к жизни сам военный коммунизм, как «необходимую поправку к единственно правильной экономической политике пролетариата в переходную эпоху (НЭП'у)»—(слова Бухарина): 1) стремление лишить враждебный класс экономической базы его контр-революционной деятельности сравните, например, национализацию всех предприятий, включая мелкие), 2) прямого недостатка в распоряжении пролетарского государства необходимых материальных рессурсов (сравните, например, продразверстку в деревне) и 3) теоретических представлений о социалистических методах регулирования народного хозяйства (сравните, например, централизм главков).

При всей колоссальной гипертрофии планового начала в народном хозяйстве РСФСР 1917—1920 г.г. не было единого плана в работе отдельных частей народного хозяйства и даже частей промышленности. Если условия гражданской войны в значительной мере обусловили гипертрофию централизованного государственного регулирования, то эти же условия гражданской войны крайне затрудняли осуществление даже самого элементарного плана.

Во время войны с белогвардейцами РСФСР лишалась на долгие сроки Донбасса (51% металлургии и 70% угольной промышленности), Урала (соответственно 21% и 10%). Из-за отсутствия хлопка в 1919 г. почти вся текстильная промышленность принуждена была стоять, выработав лишь 4,7% довоенной продукции. Транспорт в определенные периоды мог обслуживать лишь наиболее неотложные нужды—военные и хлебные перевозки и т. д.

Именно в 1920 году перед самым переходом к новой экономической политике в нашей экономической литературе остро стал дебатироваться вопрос об Едином плане в народном хозяйстве республики. Царствовала система ударных заданий и, кроме того, экономические органы не были связаны между собой. Мысль экономистов была занята поисками организационного центра для народного хозяйства. Л. Д. Троцкий указывал на то, что ВСНХ, уже больше не об'единяющий экономические комиссариаты орган, и

писал по этому поводу: «Было бы в корне неправильно полагать, что переход от периода главкократии (т. е. господства отдельных вертикально централизованных главков, организационно не об'единенных между собой и худо согласованных в своей работе)— к социалистическому централизму, т. е. хозяйству на основе единого плана, может принять форму возврата вспять к первоначальной идее ВСНХ. Внутри самого ВСНХ отдельные главки нуждаются еще в согласовании своей работы. Необходимо упростить аппарат управления промышленностью. Необходимо обеспечить единство руководства всеми экономическими комиссариатами».

С другой стороны, участились попытки разработки «научного» единого плана (тов. Крицман).

Это оживление дискуссии о плановости хозяйства перед самым 1920 .г—концом системы военного коммунизма, следует рассматривать, как симптом наступившего кризиса. В исторической перспективе легко усмотреть, что экономическая система военного коммунизма в условиях 18—20 года не давала возможности планомерно, социалистически организовать народное хозяйство и укрепить промышленность, прежде всего, потому, что она не создавала стимулов для восстановления народного хозяйства у крестьянства и, затем, потому, что она с экономической стороны, не соответствовала начальной стадии переходного периода в такой неиндустриальной стране, как Советская Россия. Конец гражданской войны, снятие блокады и другие факты, побудили Советскую власть значительно изменить экономическую политику. Несмотря даже на видимое укрепление советского аппарата военного коммунизма в 1920 г., Советская власть по окончании гражданской войны, снятии блокады и пр. провозгласила новые экономические принципы организации советского хозяйства — новую экономическую политику.

ГЛАВА V.

Регулирование промышленности в период новой экономической политики.

В предшествовавшей главе мы уже указывали, что нормальной экономической политикой переходного к социализму периода является политика типа нашего НЭП'а. Военный коммунизм, по выражению тов. Бухарина, есть лишь «поправка, вызываемая фактом гражданской войны, к единственно-правильной экономической политике пролетариата в переходный период, к НЭП'у». На этот же факт общеобязательности НЭП'а для переходного периода обратил внимание тов. Троцкий в своем докладе XII партийному с'езду в следующих словах: Поскольку НЭП есть использование рабочим государством методов, приемов и учреждений капиталистического общества для построения или для подхода к построению социалистического хозяйства, все рабочие государства пройдут через подобный период, одни довольно пространно, другие—по сокращенному учебнику. Конечно, чем культурнее, чем образованнее страна, тем более сокращенный учебник по НЭП'у ей понадобится».

Эта неизбежность НЭП'а для переходной политики к социализму вытекает непосредственно из принципа развития народного хозяйства. История народного хозяйства учит нас, что каждая последующая форма хозяйственного строя связывается с прогрессивным ростом производительных сил страны. Социалистическая форма хозяйства выше, чем предшествовавшая ей капиталистическая форма. И в этом ее экономический смысл, ибо неизбежность социализма вытекает из законов прогрессивного развития социально-экономического организма, а не основывается только на моральных основах [1]). Эту же неизбежность прогресса общественного производства против достигнутых в капиталистическом обществе пределов его подчеркивает и Ленин в словах, так часто цитируемых теперь в связи с кампанией по повышению производительности труда: «Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создаст новую, гораздо более высокую производительность труда».

---

[1]) «Мы—коммунисты, потому что убеждены, что экономические силы капиталистического производства, в силу естественной необходимости, ведут общество к коммунизму» П. Лафарг.—Полемика с Жоресом.

Естественно, что уже в переходную эпоху должно иметь место прогрессивное развитие народного хозяйства. Это тем более важно, что первый период переходной эпохи—борьба за условия для строительства социализма—неизбежно приводит к деградированию народного хозяйства.

Для этой цели и был необходим НЭП, т. е. такие условия развития хозяйственной деятельности всех разнородных элементов народного хозяйства, которые обеспечили бы: 1) быстрое восстановление разрушений эпохи гражданской войны, 2) дальнейший рост производительных сил страны, 3) преимущественный рост производительных сил крупного хозяйства, находящегося в руках пролетариата (тов. Крицман формулирует эту проблему в форме вопроса таким образом: 1) является ли пролетарский режим (при НЭП'е) прогрессивным режимом и 2) является ли этот прогресс прогрессом пролетарского общества?) [1]).

Военный коммунизм не мог быть той формой экономической политики, которая способствовала бы в условиях законченной гражданской войны развитию производительных сил Союза. В предшествующей главе мы подробно останавливались на экономическом смысле политики военного коммунизма. Отвечая потребностям гражданской войны, военный коммунизм не был для того периода регрессивной формой экономической политики и его, конечно, не приходится винить в происходившем до 20 года разрушении народного хозяйства [2]). Госплан в своих материалах о первых итогах НЭП'а говорит по этому поводу следующее: если бы пролетарскому государству не пришлось вести гражданской войны, что было, однако, неизбежно при данных условиях, то и тогда приспособление промышленности, деформированной во время

---

[1]) «Основное поручение, данное НЭП'у нашей партией,—толкнуть вверх производительные силы страны». — Л. Д. Троцкий. Доклад на XII партийном с'езде.

[2]) Еще раз подчеркиваем, что такова общая оценка военного коммунизма, всей системы экономических мероприятий, известных под этим наименованием. Но от этого еще далеко до признания всех отдельных мероприятий военного коммунизма соответствовавшими общей политической и экономической обстановке.

Здесь совершенно правильную (в резкой форме) мысль высказал тов. И. Смилга («Промышленность в условиях новой экономической политики»): «Шла борьба за установление Советской власти в стране, за ликвидацию старого режима и капиталистических отношений. В этой борьбе, если оглянуться назад, было допущено бесконечное количество ошибок и преувеличений. Но мы были бы жалкими доктринерами, если бы рассматривали практику этого периода, исходя из обстановки и методов работы сегодняшнего дня. Обстановка первых лет революции весьма мало похожа на настоящую. В те времена, когда каждый частный завод, каждое частное предприятие были очагами прямой борьбы против Советской власти, не перехватить не было возможности. Революция делается не по точно выработанному плану».

войны, потребовало бы многих лет и огромных средств, ибо доставшееся республике хозяйство было хозяйством больным или полуразрушенным. «Военный коммунизм не был причиной разрушения промышленности, ибо он должен был прежде всего создать условия для советского строительства». «Строительство промышленности могло начаться только с момента окончания гражданской войны, т. е. с 21 года».

Для этого строительства промышленности (и всего народного хозяйства) военный коммунизм с его централизмом, системой экономических предприятий, рассчитанных на высоко развитое в индустриальном направлении хозяйство (как в сельском хозяйстве, так и в промышленности) — был непригоден.

В предшествующей главе мы говорили о развитии централизма в России при военном коммунизме, указывали на гипертрофию планового начала и вместе с тем подчеркивали невыполнение планов в области промышленности, снабжения и т. п. Несоответствие между плановой установкой и фактическим проведением в экономике плана выражается в таком факте, как «бюрократизм». И если система централизма и общей гипертрофии планового начала вызывалась условиями гражданской войны, то все усиливающееся развитие того явления, которое внешне характеризуется бюрократизмом, сигнализировало опасное положение народного хозяйства. Вот что говорит по этому поводу Ленин [1]): «У нас другой экономический корень бюрократизма: раздробленность, распыленность мелкого производителя, его нищета, некультурность, бездорожье, неграмотность, отсутствие *оборота* (курсив Ленина) между земледелием и промышленностью, отсутствие связи и взаимодействия между ними. В громадной степени это результат гражданской войны. Когда нас блокировали, осаждали со всех сторон, отрезали от всего мира, затем от юга, от Сибири, от угля, мы не могли восстанавливать промышленность. Мы должны были не остановиться перед военным коммунизмом, не испугаться самой отчаянной крайности: вытерпим полуголодное и хуже, чем полуголодное существование, но отстоим во что бы то ни стало, несмотря на самое неслыханное разорение и отсутствие оборота, отстоим рабоче-крестьянскую власть. И мы не дали запугать себя тем, чем запуганы были эс-эры и меньшевики (шедшие фактически за буржуазией в большей мере из-за страха и запуганности). Но то, что было условием победы в блокированной стране, в осажденной крепости, обнаружило свою отрицательную сторону как раз к весне 1921 года, когда были окончательно выгнаны последние белогвардейские войска с территории РСФСР. «Запереть» всякий оборот в осажденной крепости можно и должно; при особом героизме масс это можно перенести три года. После этого

---

[1]) Брошюра о продналоге.

разорение мелкого производителя еще усилилось, восстановление крупной промышленности еще оттянулось, отсрочилось. Бюрократизм, как наследие осады, как надстройка над распыленностью и придавленностью мелкого производителя, обнаружил себя вполне».

Как бы не рассматривать переход от военного коммунизма к НЭП'у, нужно признать, что он означает принципиальное отступление на фронте планового (с устремлением к социализму) хозяйства. Когда в цитированной выше речи Л. Троцкого он говорит о «дьяволе рынка», то он имеет в виду охарактеризовать этим образным выражением некоторую неизбежную анархичность рыночных отношений по сравнению с системой хозяйства социалистического типа.

Тем не менее, в период НЭП'а плановое начало играет роль, неизмеримо большую, чем в капиталистическом хозяйстве. Можно сказать, что постоянное плановое регулирование промышленности и торговли вытекает из самой сущности НЭП'а.

«Единственная возможная и единственная разумная политика не пытаться запретить или запереть развитие капитализма, а *стараться направить его в русло государственного капитализма*»[1]). Это направление враждебной социализму и социалистическому государству стихии в русло государственного капитализма, конечно, не может произойти само по себе: оно требует определенного государственного плана, постоянного наблюдения и управления.

Планирование в условиях НЭП'а затрудняется социально-экономической структурой государства. Советская власть — власть диктатуры пролетариата; все политические позиции, следовательно, захвачены социализмом. Но народное хозяйство составляет нечто охарактеризованное тов. Преображенским, как «винегрет из хозяйственных форм». Тов. Преображенский [2]) изображает для характеристики отмеченного явления такого вида треугольник: (см. стр. 76).

Доля социалистической формы хозяйства в целом народном хозяйстве на графике тов. Преображенского несколько преуменьшена [1]), но, в целом, она, конечно, правильно изображает социально-экономический состав нашей хозяйственной системы. Отсюда вытекают колоссальные трудности регулирования народного хозяйства Советской России. Но в этом же коренится огромное значение планового хозяйства. «Задача, которую мы разрешаем впервые в истории, состоит в том, чтобы поднимающиеся

---

[1]) Ленин о продналоге.

[2]) Е. Преображенский. «От НЭП'а к социализму».

[3]) Точнее, график не отражает качественных особенностей каждой из этих групп.

или долженствующие подняться производительные силы направлять по возможности в русло рабочего государства на социалистический путь» [1]).



Самая система хозяйства переходного периода принципиально отличается от капиталистической, как, впрочем, и от социалистической. «Впервые в истории мы видим здесь комбинацию двух систем хозяйства: социалистической и капиталистической, комбинацию социалистического руководства с рыночно-капиталистическим регулированием. Равновесие в хозяйственной системе достигается на основе этих двух начал одновременно». В силу этого самое планирование носит в переходный момент своеобразный характер: «план при НЭП'е означает маневрирование (в отличие от жесткого администрирования военного коммунизма), т. е. передвижение и согласование в условиях рынка» [2]). Здесь, однако, не следует впасть в ошибку и считать, что полу-капиталистическое наше хозяйство вовсе не должно подвергаться регулированию административным способом. Даже в капиталистических странах в определенные периоды государственное регулирование пользуется обоими методами воздействия: экономическим и административным. В наших условиях административное регулирование тем более целесообразно, что существует огромное и при том децентра-

---

[1]) Л. Троцкий. (Доклад на XII партс'езде).

[2]) Л. Троцкий. Там же.

лизованное собственно-государственное хозяйство. Конечно, административное воздействие должно быть рассчитано на среду и обстановку рыночных отношений. В общем же разумеется приоритет в деле регулирования должен, конечно, принадлежать методу экономического регулирования, как наиболее реально и безболезненно действующему на народное хозяйство[1]). В дальнейшем на ряде примеров мы попытаемся определить сферы применения того и другого принципа регулирования.

XII партийный с'езд в резолюции по докладу тов. Троцкого о промышленности указал на границы применения методов регулирования: «...Ясны две опасности, связанные с применением государственных плановых методов хозяйства в ближайшую эпоху: а) при попытке опередить, путем планового вмешательства, хозяйственное развитие, заменить регулирующую работу рынка административными мероприятиями, для которых живой, хозяйственный опыт еще не создал необходимой опоры,— совершенно неизбежны частые или общие хозяйственные кризисы того специфического типа, какие мы наблюдали в эпоху военного коммунизма («заторы», «пробки» и пр.); б) при отставании централизованного регулирования от явно назревших потребностей в нем мы будем иметь разрешение хозяйственных вопросов не экономными методами рынка и в тех случаях, когда современное административно - хозяйственное вмешательство могло бы достигнуть тех же результатов в более короткий срок и с меньшей затратой сил и средств».

Все же, по нашему мнению, приведенная выше резолюция XII с'езда недостаточно полно формулировала вторую опасность. Мало сказать, что от проявления государственного планового начала зависит тот или иной темп направления нашего хозяйства в социалистическое русло. Правильнее будет положительное утверждение: бездействие планового руководства хозяйством неизбежно должно привести к ослаблению социалистических элементов в хозяйстве и к укреплению его капиталистических элементов и, вслед за тем, к общему перерождению хозяйства. И это вполне естественно. С одной стороны, вызванные НЭП'ом к жизни капиталистические силы и методы работы народного хозяйства безусловно враждебны социализму и если они предоставлены самим себе, то их враждебность неизбежно получит свое выражение. С другой стороны, огромное национализированное хозяйство, работающее при НЭП'е не как единое целое, а как сложный комплекс множества самостоятельно управляющих и хозяйствующих единиц, нуждается в постоянном об'единяющем руководстве, тем более, что, во-первых, в этом заключается главное экономическое

---

[1]) «В своем административном применении плановые методы должны расширяться с чрезвычайной осторожностью, путем тщательного прощупывания почвы». Из резолюции XII партийного с'езда.

преимущество социализированного хозяйства перед частно-владельческим раздробленным хозяйством, и, во-вторых, что, по крайней мере, для собственно-государственного хозяйства основной рычаг капиталистического регулирования—конкуренция, «свободная игра интересов»—не имеет своей целебной силы.

В дальнейшем на ряде примеров мы попытаемся определить в какой мере нам удалось в первые годы НЭП'а избежать обеих указанных резолюцией XII партийного с'езда опасностей в области осуществления планирования.

Одна из основных проблем планирования промышленности—увязка ее с сельским хозяйством, сущность этой увязки и роль государственного планового начала в этом процессе хорошо охарактеризована тов. Преображенским (в его опыте популярного анализа НЭП'а) путем противоположения системе военного коммунизма. «В эпоху военного коммунизма между крупной государственной промышленностью и крестьянским хозяйством существовал полный разрыв. Какая либо мануфактурная или обувная фабрика сдавала всю продукцию государству. Эта продукция в подавляющем большинстве шла для армии, распределялась среди рабочих в виде прозодежды и т. д. и лишь в небольшой части попадала в деревню. Да и там она распределялась не по признаку, кто больше дал хлеба городу, тот больше получает из города товару, а часто как раз наоборот: кто был бедней и освобождался от разверстки, имел больше шансов получить ту же мануфактуру, чем сдавший свои излишки кулак. Эта тоненькая связь городской промышленности с земледелием осуществлялась через государство... Наоборот, при новой экономической политики та же мануфактурная фабрика сотнями нитей связывается с крестьянским хозяйством и с отдельными предприятиями государственными и частными. Эта фабрика, входя в текстильный трест, производственная программа которого утверждается Госпланом, а кредит получается от Госбанка, включается в систему государственного социалистического хозяйства. Но в то же время она находится в оживленных связях с необобществленной частью хозяйства».

Проблема экономической (а следовательно, и политической) смычки пролетариата и крестьянства, промышленности и сельского хозяйства, действительно, является узловой проблемой хозяйства переходного периода. Экономическая система военного коммунизма перестала быть приемлемой для народного хозяйства, прежде всего, в части сельского хозяйства. Следующий чрезвычайно интересный анализ этой проблемы дает тов. Крицман: «Российская революция отличается двойным характером; с одной стороны—это анти-капиталистическая революция (которая была бы чисто социалистической революцией, если бы не сочеталась с ре-

волюцией антифеодальной) и антифеодальной (которая была бы чисто буржуазной революцией, если бы не сочеталась с революцией пролетарской)». Социализация земли в духе крестьянской экспроприации экспроприаторов укрепила смычку обеих революций. Условием победы над буржуазно-помещичьей контр-революцией было временное придушение свободы товарооборота. Поэтому крестьянство в конце концов временно, вынужденно мирилось с подавлением рынка, питательной среды контр-революции».

Но между тем, именно свободный рыночный товарооборот есть цель антифеодальной революции. «Поэтому крестьянство лишь с большими колебаниями и временно дало свое согласие на подавление рынка». Крестьянство и представляемое им сельское хозяйство «имеет первенствующее значение для всей экономики Советской России» (из резолюции XII партийного с'езда). Поскольку мировая революция не изменила соотношение между крестьянством и пролетариатом, антикапиталистическая революция была принуждена к экономическому отступлению, прежде всего в форме восстановления рыночных отношений.

Нельзя, однако, думать, что утверждение экономической и политической смычки индустрии с сельским хозяйством осуществится само по себе, раз только будет декретирован свободный рыночный товарооборот. Особенность нашего хозяйства, о которой мы еще будем говорить ниже, та, что обычный регулятор рыночного капиталистического хозяйства — конкуренция, цены — у нас не играет той положительной роли, какую он играет в капиталистическом хозяйстве[1]). В частности, в нашем хозяйстве нельзя осуществление смычки предоставить свободному столкновению интересов промышленности и сельского хозяйства на рынке. На рынке сталкивается, с одной стороны, организованная в государственные тресты, синдикаты, монополии промышленность, пользующаяся при том административным аппаратом государства, и с другой стороны—разрозненные потребители и производители—крестьяне. Соотношение их сил слишком неравное для того, чтобы ожидать установления (безболезненного) смычки, если в их взаимоотношения не вмешается плановое начало государства пролетарской диктатуры. И действительно, на практике, в 1922 и 1923 г.г. на примере «ножниц» мы видели, к чему приводят в наших условиях свободные рыночные отношения, не регулируемые плановыми органами государства. Мы знаем, что в течение продолжительного периода сельско-хозяйственные цены падали, а промышленные цены повышались, и что эта диспропорция получила свое выражение в жестоком кризисе конца 1923 года. Следовательно, действительное экономическое сотрудничество

[1]) Но зато, там это единственный и, при том, дорогой способ регулирования народного хозяйства.

пролетариата и крестьянства достигается не одним тем, что крестьянин получает юридическое право распоряжаться продуктом своего хозяйства, но и тем, что текущая плановая политика государственных органов обеспечивает ему осуществление его права в тех пределах, которые отвечают общему уровню хозяйственного развития и роли сельского хозяйства в перспективах развития всего народного хозяйства [1]).

Параллельно с этой задачей встает другая колоссально-важная в деле планирования промышленности — увязка отдельных отраслей промышленности и даже предприятий друг с другом. Все отрасли промышленности тесно связаны между собой. Даже в нормальных условиях развития промышленности согласование ее частей представляло бы важнейшую задачу. Исключительную сложность имеет эта проблема в современных условиях, когда все без исключения отрасли промышленности пострадали от войны и последовавшей разрухи, но при том различно и когда темп восстановления отдельных отраслей промышленности, предоставленных самим себе, совершенно не одинаков. О том, какое значение имеет согласование работы отраслей промышленности между собой, можно получить представление, если теоретически допустить, что в течение продолжительного периода работа всей промышленности не согласована с работой машиностроительной своей ветви, предоставленной «свободной игре сил».

Так как огромная часть промышленности — государственная, в руках государства находится возможность прямого постоянного регулирования промышленности. Сравнивая положение госпромышленности в Советской России с существующими в капиталистических странах формами промышленных об'единений, можно уподобить нашу промышленность грандиозному комбинату, являющемуся почти монополистом на рынках изделий, им вырабатываемых. Впрочем, такова, главным образом, юридическая сущность нашей промышленности, так как непосредственное руководство госпромышленностью передоверено государством «самостоятельным, действующим на началах хозяйственного расчета предприятиям—трестам». Государственная власть направляет работу всей госпромышленности. Важнейшим методом планирования народного хозяйства является согласование и утверждение всех производственных программ крупной и средней промышленности единым органом государственной власти. В системе утверж-

---

[1]) Речь не идет здесь, конечно, об абстрактном «справедливом» доходе сельского хозяйства и тем менее, конечно, о довоенном соотношении сельско-хозяйственных и промышленных цен.

Не эквивалентный обмен ценностей между городом и деревней в переходную эпоху неизбежен. Весь вопрос лишь в правильных пропорциях, которые обеспечивали бы и развитие сельского хозяйства и развитие промышленности.

дения центральной властью производственных программ промышленности нужно видеть важнейший рычаг планирования промышленности. Этой возможности жесткого регулирования производства промышленности посредством утверждения производственных программ не имеет и не может иметь никакое капиталистическое государство. В этом основное свойство социалистического планового хозяйства.

Однако, полное использование государством этой возможности планирования промышленности представляет огромные трудности. Реальный единый план даже внутри промышленности еще и сейчас в полной мере неосуществим.

Тов. Бухарину принадлежат слова: [1]) «Раньше думали, что можно вычислить Единый план и механически проводить его в жизнь. Но теперь ясно, что плановое хозяйство будет расти органически. Материальный базис планового хозяйства есть результат вытеснения отсталых экономических форм». Опыт военного коммунизма вполне раскрыл неосуществимость единого плана социалистического хозяйства, установленного à priori теоретическим или бюрократическим путем» (постановление XII партс'езда). «*Действительный социалистический хозяйственный план*,—читаем мы в том же постановлении,— об'емлющий все отрасли промышленности в их взаимоотношениях друг к другу и взаимоотношения всей промышленности в целом с сельским хозяйством, *возможен только в результате длительного подготовительного хозяйственного опыта на основах национализации*, непрерывных усилий практического согласования работы разных отраслей хозяйства и правильного учета результатов. На ближайший период задача имеет, таким образом, общедирективный характер. *Она ... предполагает постоянное и бдительное приспособление руководящего хозяйственного аппарата... к рыночным явлениям и отношениям.* Только в своем окончательном развитии плановые методы могут и должны подчинить себе рынок и тем самым упразднить его».

Даже приняв во внимание невозможность полного согласования в ближайшие годы работы всех отраслей промышленности между собой и с потребностями сельского хозяйства (а также внешнего рынка), эта задача в той форме, в которой она выполнима, остается одной из важнейших в области государственного планирования.

Третья задача планирования,— на первый период НЭП'а практически легче всего осуществимая и в конечном счете едва ли не главнейшая,— это задача организации государственной промышленности для успешного восстановления и дальнейшего ее развития. Сюда входят не только заботы об управлении государ-

---

[1]) Речь на V С'езде Коминтерна о программе Коммунистического Интернационала.

ственной промышленностью, но также и о качественном улучшении ее работы, об удешевлении изделий, повышении производительности труда и общем усовершенствовании производства.

Необходимо значительное напряжение планового руководства промышленностью для того, чтобы доказать, что социалистическое государство—хороший хозяин. Мы говорили выше о том, что НЭП имеет две общие задачи: 1) содействовать росту производительных сил страны в целом и 2) обеспечить преимущественное развитие базы социализма—крупного производства. В силу всех этих соображений, задача количественного и качественного развития государственной промышленности чрезвычайно важна. Это формулировано XII партс'ездом в следующих словах: «Путь к социалистическому общественному строю пролегает через государственную промышленность».

Наконец, нужно указать и на четвертую важнейшую проблему государственного планирования. Для того, чтобы задача НЭП'а—направление капиталистического начала в хозяйстве Союза в социалистическое русло была осуществлена»,— необходимо, чтобы в руках пролетариата находились политические (власть) и экономические (промышленность, транспорт, внешняя торговля и т. д.) «командные высоты». Их захват пролетариатом был произведен в большей своей части в период военного коммунизма. Однако, в обстановке новой экономической политики наступают моменты, когда необходимо расширение экономической базы социализма—прежде всего в области торговли, где влияние государства не вполне обеспечено. В определенные моменты та или иная форма конкуренции со стороны частного капитала становится опасной, грозит срывом государственной политики, регулирования хозяйства, срывом смычки с крестьянством. Поэтому перед государственной плановой политикой стоят задачи: постоянного наблюдения за развитием частного капитала и, в случае необходимости, интервенции в создавшиеся на рынке отношения. В этой интервенции государству приходится, конечно, считаться, как и в остальной своей регулирующей политике, с реальной возможностью регулирования; ему приходится с значительной опаской применять методы административного воздействия.

Обратимся теперь к практике регулирования.

За три с половиной года НЭП'а можно отметить три фазы развития планового хозяйства.

1921 и 1922 годы были годами установления максимального равновесия в хозяйстве и перестройки его на новых началах. Эти годы не могли не быть годами кризисного состояния народного хозяйства (и, в частности, промышленности). В условиях этих лет планирование из центра неизбежно должно было иметь огра-

ниченное применение. Плановое хозяйство возможно лишь тогда, когда созданы элементарные экономические предпосылки для его осуществления. Основной предпосылкой этого рода является некоторая устойчивость народного хозяйства. Вместо этого налицо была полная диспропорциональность всех частей хозяйства и небывалая в истории необходимость создания рынка и товарно-денежного хозяйства с молниеносной быстротой—в течение 1—2 лет. Планирование в первую очередь предполагает предвидение, конкретное предвидение. При произведенном в 1921 году (единственном в истории) опыте немыслимо было конкретно предвидеть, и из центра направлять ход промышленного развития. Достаточно было создать известные предпосылки экономического развертывания советского хозяйства (они были созданы отменой продразверстки, переводом государственной промышленности на хозрасчет, декретированием свободы торговли), и затем положиться в значительной мере на силы самодеятельных хозяйственных единиц. Деятельность центральных органов, планирующих и регулирующих народное хозяйство неизбежно сводилась к внимательному наблюдению за процессом формирования рыночных отношений, к посильному облегчению этого процесса и к возможному в этих условиях направлению хозяйства в социалистическое русло. Конечно, в этот первый период НЭП'а был немыслим не только единый план хозяйства, но и гораздо более дробные планы отдельных отраслей хозяйства. Позволительно сравнить роль государственных регулирующих органов в 1921 и части 1922 г.г. с ролью военного оперативного центра в момент стихийного и крайне быстрого по темпу наступления (или отступления) по всему фронту (в особенности в гражданской войне): каждая боевая единица ориентируется сама в боевой обстановке, большей частью даже не имея непрерывной связи с центром. Центр дает лишь самые общие директивы. Его активность проявляется, главным образом, в моменты заминок, когда он содействует перегруппировке сил; роль его становится все значительнее по мере замедления темпа операции, по мере перехода к нормальному положению на новых, занятых стихийным движением, позициях. С этой именно точки зрения следует рассматривать значительную слабость регулирующих промышленность органов в первый период.

Первым шагом в области организации промышленности была ликвидация централизма, каковой являлся, как видно из предыдущего, наиболее остро ощутимым дефектом. По словам наказа Совнаркома о проведении в жизнь новой экономической политики, «советское государство вынуждено было (в период гражданской войны) непосредственно управлять громадной массой самого разнообразного типа предприятий, обслуживание которых далеко не соответствовало тем сырьевым и продовольственным ресурсам,

которые находились в распоряжении государства. Непосредственным результатом этого явилась невозможность рационального хозяйственного использования их, многовластие и безответственность».

Вот что сообщает о «начале НЭП'а» в промышленности тов. Смилга: «По поручению президиума ВСНХ я написал тезисы о нашем хозяйственном положении, которые были президиумом единогласно приняты 11 июля 1921 г.[1]). Летом 1921 года они были новым словом. Впервые после 1917 года были провозглашены такие понятия, как хозяйственный расчет и т. д. В 20-х числах июля выехала в Баку, Грозный и Донецкий бассейн полномочная комиссия СТО под моим председательством. Задачами комиссии являлись, с одной стороны, обследование хозяйственного положения этих основных топливодобывающих районов и перестройка их работы на новых началах. Работу этой комиссии нужно считать первым практическим крупным шагом в деле проведения в жизнь новой экономической политики. Главные решения комиссии сводились к следующим основным положениям. Во-первых, во всех районах было установлено единовластие администрации. Без восстановления административного персонала в его хозяйственных правах нечего было думать о восстановлении нормального порядка управления предприятиями. Во-вторых, все снабжение рабочих было также передано администрации, при чем это снабжение было поставлено в теснейшую связь с производительностью труда. В-третьих, в Донецком бассейне была произведена решительная концентрация производства. Вместо 1000 с лишним шахт в работе было оставлено только около 300 шахт. Этим было достигнуто значительное увеличение нагрузки и еще большее сокращение самопотребления угля. Наконец, нами была в значительной мере раскована хозяйственная инициатива районов за счет уменьшения прав центральных главков. Госпланом и СТО решения были одоб-

---

[1]) В этих тезисах, между прочим, значилось:

§ 4. Необходимо сейчас же перестроиться на следующих основаниях: Во-первых, необходимо установить, как принцип, что в области народного хозяйства государство ничего никому не дает даром. Во-вторых, что все снабжение рабочего входит в его заработную плату, которая для той части рабочих, что останется, должна быть повышена значительно и приближена к средней прожиточной норме рабочего. В-третьих, все получаемое рабочее снабжение делится не на количество рабочих, а на единицу выработанного продукта, за исключением тех производств и отраслей промышленности и народного хозяйства, где по самому характеру работ это не представляется возможным. В-четвертых, дело снабжения рабочих производится всеми снабжающими органами через заводоуправление, администрацию, которая получает необходимое лишь в случае даваемых ею обязательств высшему органу, за невыполнение которых она отвечает по суду. В основу всей экономической политики необходимо положить хозяйственный расчет».

рены. Результаты работы нашей комиссии (в смысле роста добычи) сказались чрезвычайно быстро. Этот практический успех сразу предрешил вопрос о самом темпе перехода к новой экономической политике. Было ясно, что только применением этих начал в хозяйстве можно добиться быстрого увеличения производительных сил страны» [1]).

В связи с этой децентрализацией управления предприятиями стала важнейшая проблема: передать ли средние и мелкие предприятия ГСНХ с тем, чтобы все функции главков перешли к ГСНХ, или организовать их на каких-либо иных началах. И если самый первый период НЭП'а ознаменовался переходом к ГСНХ огромной массы предприятий, то уже летом 1921 года центральные органы избрали другой и, как практика показала, более правильный путь. И на самом деле, ни удельный вес ГСНХ, ни их аппарат, ни технические возможности никогда не позволили бы управлять всей разнообразной массой предприятий, оказавшейся в их подчинении. С известной точки зрения даже главки имели больше данных для управления подчиненной им однородной промышленностью, чем ГСНХ. В 1921 г. центр правильно определил курс на организацию самодеятельных, в значительной мере автономных об'единений, работающих на хозяйственном расчете. «В основе процесса трестирования (и затем синдицирования) промышленности лежало стремление создать из разрозненных предприятий такие комбинаты и об'единения, в которых мог бы быть сосредоточен максимум экономических и организационных усилий; надо было связать тесными узлами предприятия, которые внутренне тяготеют друг к другу, так, чтобы они могли дать максимум производительности и упорядочить торговые операции разных предприятий одной и той же отрасли промышленности».

В этой работе по организации трестов и комбинатов ВСНХ и его органам пришлось столкнуться с рядом затруднений. Прежде всего, сложен был выбор предприятий для об'единения в тресты, так как довоенное их строительство проходило в совершенно иных условиях и, при том, достаточно хаотично. С другой стороны, местные Губсовнархозы всячески препятствовали отходу от них наиболее доходных предприятий к всякого рода междугубернским об'единениям. Проф. Долгов сообщает в материалах к XII партс'езду длинный перечень таких конфликтов с ГСНХ. Вот один из них: для трестирования лесоразработок по Волге (Волголес), захватывающего 9 губерний, ВСНХ, вследствие противодействия местных органов, понадобилось свыше 4-х месяцев.

Так или иначе, процесс трестирования был сравнительно скоро в общих чертах закончен. По данным сборника ВСНХ:

[1]) Промышленность в условиях НЭП'а.

«Промышленность в 1922 г.», всего около 430 об'единений охватили 4.144 предприятия, в которых оказалось занято 977 тысяч рабочих, т. е. до 88% рабочих всей промышленности. Несколько позже организовавшиеся синдикаты числом 17 охватили 176 трестов с 1791 предприятием, т. е. 40% трестированных предприятий и 54% общего числа рабочих, занятых в трестированной промышленности. Из этого числа 62 треста (12,8%) об'единяют 735 тысяч рабочих, т. е. около 74% всех рабочих трестированной промышленности и следовательно остальная масса трестов состоит из небольших об'единений. Из общего числа трестов 172 треста с 2281 предприятием и 817 тысяч человек рабочих оказались подчиненными непосредственно ВСНХ и Промбюро, а 258 трестов с числом предприятий—1863 и с 159 тысяч рабочих остались в подчинении губсовнархозов.

Параллельно с этим процессом трестирования происходила денационализация полукустарных предприятий и эксплоатация ряда мелких и средних предприятий Губсовнархозами. Значительное число предприятий, эксплоатация которых государством не могла быть целесообразной, было намечено к сдаче в аренду частным лицам. Поскольку эта аренда имела место, государство не только выгадывало на общем расширении полезного производства, получения специальных доходов от арендной платы и производимых за счет арендаторов ремонтов, но также на экономии по содержанию консервированных предприятий. Предполагалось сдать в аренду 8.634 предприятия, сдано за 3 года НЭП'а — 6.388 предприятий или около 75%.

Что касается до организации промышленных предприятий частным иностранным капиталом (концессии), то до самого последнего времени этот вид предприятий не получил сколько-нибудь широкого значения в общей схеме.

Этот период характеризовался в значительной мере хаотической производственной работой промышленности и уже абсолютно хаотической торговой их деятельностью. Переход к НЭП'у — конец 1921 года ознаменовался большим увеличением продукции. Не познакомившись еще с проблемой сбыта продукции и стремясь к чисто внешнему признаку восстановления промышленности, — расширению производства,— тресты при содействии, или, во всяком случае, без противодействия плановых органов развили в 1-м квартале 1921—22 г. весьма значительную производительность. Вот несколько примеров из этой области:

Добыча угля за I половину 21—22 года составила 363 милл., пуд., за вторую половину всего 224 милл. пуд., при чем главная масса добычи пала на I квартал.

Спичечная промышленность в октябре 1921 года выработала 81 тыс. ящиков, в ноябре 97½ тысяч ящиков, в декабре 116 тысяч

ящиков, т. е. норму, почти не превзойденную в ноябре—январе следующего 1922 года; в то же время все производство II полугодия бюджетного года выразилось лишь в 140 тыс. ящиков или 18% годовой производительности.

Производство табачных изделий выразилось в первые 5 месяцев 21—22 г. в 12,2 милл. курительных единиц, а за 7 остальных месяцев—всего 5,8 милл. курительных единиц и т. д.

Отсутствие сбыта для изделий трестов привело к резкому снижению продукции во II полугодии 21—22 года, завязыванию всех оборотных средств, и без того абсолютно недостаточных в мертвом капитале—продукции, росту задолженности по зарплате и разбазариванию по ценам, во много раз ниже себестоимости наличных запасов товара (барыши от разбазаривания, как правило, доставались посредникам—частному капиталу).

Система экономических мероприятий конца этого периода довольно обширна. Важнее всего были, однако: содействие созданию синдикатов, губснабов (губпланторгов), созыв промышленных с'ездов по отраслям, организация товарных бирж, организация ярмарок и банков, работающих на капиталистических основаниях. Развитие всех этих организаций шло постепенно. Однако, уже очень скоро они стали оказывать самое сильное и положительное влияние на промышленность.

Важнейшим вопросом промышленности в 1922 году, когда цены на промышленные изделия были крайне низки и дальнейшее вынужденное разбазаривание государственного капитала грозило чрезвычайно опасными последствиями, были вопросы об об'единении предприятий одной отрасли промышленности, согласование их производственной и торговой деятельности, прекращение конкуренции между ними, совместная организация снабженческой деятельности. Эта задача была возложена на синдикаты и была ими выполнена в течение 1922 года. Уже в новый операционный год промышленность вступила совершенно обновленной в организационном отношении.

Действительно с середины лета 1922 года наблюдается тенденция к повышению цен на промышленные изделия; в новом операционном году промышленность, главным образом, благодаря ее об'единению по отраслям, сумела хотя бы начерно, согласовать свои производственные программы; районированием сбыта, соглашением о ценах и прочими мероприятиями этого рода была создана относительно твердая база для дальнейшего более планомерного развития производства, для организации производства на предприятиях.

В то же время организация товарных бирж и ярмарок положила начало постепенному упорядочению товарооборота и развитию провинциальной торговли. Организация снабторгов содейство-

вала (хотя и не в очень значительном об'еме) организации снабжения местной промышленности и реализации ее изделий. Влияние банков особенно значительно, мы коснемся его в дальнейшем более подробно.

В общем нужно констатировать с удовлетворением, что первый период перегруппировки сил, реконструкции всей системы народного хозяйства был закончен в исключительно короткий срок, и, в сущности, с минимальными издержками.

Важнейшими издержками этого рода явились: работа промышленности в течение 1—2 лет в убыток (обычно считают этот убыток в 200 милл. руб.) и накопление капитала у частных лиц, использовавших слабость государственных органов и общую коньюнктуру рынка для того, чтобы усилить свои экономические позиции.

Если вспомнить, какой необычайный процесс проделала промышленность и торговля за этот период и какие были достигнуты успехи к началу 22—23 хозяйственного года, то станет совершенно ясным, что государство заплатило недорогую цену за то, чтобы создать фундамент для восстановления промышленности.

Параллельно с процессом организации промышленности развивался рынок.

Товарооборот при НЭП'е появился в результате замены системы продразверстки системой продналога, при которой крестьянин сохранял некоторые хлебные излишки и выбрасывал их на рынок для закупки нужного ему продукта городов [1]). Ставка на натуральный товарообмен в самом начале НЭП'а — несомненно утопический проект—была бита очень скоро [2]). Народное хозяй-

---

[1]) Следует, однако, учесть, что товарные излишки могли оставаться у крестьян в период продразверстки не только в силу слабости продовольственного государственного аппарата, который не мог отобрать для государства фактически 100% товарных излишков, но также и потому, что метод разверстки на практике был несколько иной, чем он нам обычно представляется. Предоставим слово практику и теоретику продовольственных заготовок в годы военного коммунизма Н. Орлову (цитируем по его брошюре «Система продовольственных заготовок» 1920. Тамбов).

«Наркомпрод признал, во-первых, метод разверстки хлебной повинности единственным реальным методом, могущим обеспечить республику хлебом не на словах, а на деле, и, во-вторых, этот метод решил впредь применять на территории всей республики, *исходя из соображений сметных потребностей в хлебе для республики, а не наличности излишков, определяемых соблюдением строго научных приемов статистического исчисления»*. Таким образом, сейчас пролетарское государство, определяя величину продразверстки, ...говорит о потребностях в хлебе для Советской республики».

[2]) Резолюция X с'езда предусматривала собственно разрешение товарообмена в пределах «местного оборота». Это был в общей форме выраженный осторожный первый шаг по направлению к товарным отношениям. Очень скоро практика переросла эти рамки. В июле 1921 г. президиум ВСНХ формулировал это в следующей резолюции:

ство приобрело явно выраженную тенденцию перехода к товарно-денежному обращению. Но создание рынка и аппарата для его насыщения—процесс долгий и крайне сложный. И в настоящее время он далеко не закончен, несмотря на существование в течение последнего полугода чрезвычайно благоприятных обстоятельств—прежде всего, единой твердой валюты.

В области сбыта наблюдалась на первых порах совершенная беспомощность наших хозорганов. В течение продолжительного периода огромная часть продукции выбрасывалась на рынок в Москве, торговый аппарат развивался всеми производящими органами только в Москве и в крупнейших центрах. Сам торговый аппарат работал крайне хаотично. Процветала система частного посредничества даже между госорганами и при том находящимися в постоянной связи и т. д.

Все эти и другие аналогичные явления были признаками болезни, однако, болезни роста. Предусмотреть и предупредить их в этот период плановые органы Советской власти не могли и даже по мере их выявления не могли молниеносно ликвидировать. Высшие органы, помимо выдвижения отдельных конкретных задач перед хозяйственниками - практиками, направили свое внимание на экономическую организацию промышленности и торговли, совершенно правильно учитывая, что если в такой дезорганизации затруднительно административное руководство из центра, то зато вполне целесообразно создание российских и местных органов, регулирующих хозяйство: товарных бирж, ярмарок, снабторгов, банков и т. п.

Прямой выигрыш был в быстром восстановлении производительных сил страны. За первые два года НЭП'а промышленность не только организовалась стройно, но уже успела дать рост продукции на 85%, а по отдельным отраслям промышленности еще больше. Число рабочих возросло до 1½ милл. человек в одной только цензовой промышленности и в городах появился приток квалифицированных рабочих, характеризующий восстановление рабочей силы. Заработная плата повысилась в среднем на 53%. Производительность труда — на 170% и т. д.

«Рамки местного оборота, равно как и товарные экспедиции промышленных центров или отдельных фабрик, насыщая рынки районов своего действия однородпыми товарами (нитки, или мануфактура, или металл), окончательно скрывают рынки и всякую возможность товарообмена. Практикуемые при свободном обмене эквиваленты: сто за сто по ценам довоенного времени или вольные рыночные цены, как на товары города, так и деревни, диктуют переход к купле - продаже. Во всех товарообменных операциях: 1) мы не должны ограничивать себя рамками местпого оборота. 2) На ряду с натуральным товарообменом, где это выгодно, мы должны самым решительным образом переходить к денежной форме обмена».

В промышленности произошел отбор наиболее здоровых предприятий и проведена, довольно последовательно, концентрация производства.

Чрезвычайно важной областью регулирования при НЭП'е является область труда. Классовая сущность Советской власти побуждает с особенным вниманием подходить к проблемам труда. И в этом отношении, несмотря на тяжелые и экономические условия, достигнуты, в результате государственного регулирования, существенные результаты, недостижимые (при таких условиях экономики) в капиталистическом строе. Здесь нужно указать, помимо законодательства об охране труда, социального страхования и проч., что составляет уже незыблемый элемент нашей конституции,—на регулирование зарплаты. Перед государством стоят три трудности: основная—предотвратить давление безработицы на зарплату (в сторону ее понижения), вторая—согласовать зарплату в различных отраслях промышленности и третья—не выходить в области заработной платы за пределы, которые намечаются достигнутым уровнем производительности труда. Первая и основная задача может считаться разрешенной, так как мы наблюдаем беспрерывно повышающуюся кривую зарплаты, несмотря на усиление безработицы. Вторая задача разрешена еще далеко не полностью. Чрезмерного (с точки зрения интересов всего народного хозяйства в целом) повышения заработной платы в первый период НЭП'а, о котором идет речь, мы не наблюдали. В годы военного коммунизма заработная плата была невероятно низка. Для того, чтобы создать основные условия для повышения производительности труда, необходимо было резкое повышение заработной платы и доведение ее до уровня, обеспечивающего прожиточный уровень. С этой точки зрения повышение заработной платы в первые годы НЭП'а было вполне целесообразно. Достаточная заработная плата является предпосылкой повышения производительности труда. В связи с этим, Советская власть, исходя из основного стремления: создания условий для роста производительных сил страны, коренным образом изменила методы военного коммунизма в отношении установления зарплаты с тенденцией к установлению прямой зависимости между квалификацией и личной интенсивностью труда и заработной платой.

Мы считаем, что уже осенью 1922 г., т. е. в начале 1922—23 года сконструировались основные черты нашей системы хозяйства, осталась позади хаотическая перегруппировка сил и, следовательно, открылась возможность (и необходимость) значительного усиления элементов плана в нашем хозяйстве.

Перейдем к системе наших плановых органов. Высшим административным регулирующим экономическим органом является

Совет Труда и Обороны, орган, об'единяющий экономические комиссариаты и наделенный обширными правами в области администрирования и законодательства по экономическим вопросам. В лице СТО делается попытка осуществить план 1917 года, побудивший в свое время наделить ВСНХ первого созыва чрезвычайно широкими и им не осуществлявшимися функциями. При СТО организована с апреля 1921 года Государственная Общеплановая Комиссия (Госплан) — главный штаб планирования народного хозяйства СССР. «Госплан имеет своей задачей разработку перспективного плана народного хозяйства, на основе плана электрификации. Госпланом разрабатывается, как производственный план государственного хозяйства, так и план регулирования народного хозяйства в целом» (§ 1 Положения о Госплане). «Проекты важнейших декретов и постановлений по экономическим и финансовым вопросам, вносимые ведомствами в СНК и СТО, должны сопровождаться заключением Госплана» (§ 3).

В своей работе Госплан опирается на плановые комиссии, создаваемые в экономических комиссариатах, с 1922 г. подчиненные директивам Госплана, и на областные плановые комиссии. Непосредственно или косвенно регулирующие промышленность плановые комиссии в наркоматах следующие: при ВСНХ: 1) Промышленная плановая комиссия (Промплан), 2) Плановая комиссия государственного строительства (Стройплан), 3) Плановая комиссия по электрификации (Электроплан) и 4) Плановая комиссия по топливу (Топплан); при НКПС — Трансплан; при НКФ — Финплан и при НКВТ — Внешторгплан. Положение о важнейшей из этих комиссий для промышленности—Промплане предусматривает следующие его цели: «предварительная разработка перспективного и текущего плана, как части плана общегосударственного, в зависимости от потребности в промышленной продукции и от рессурсов страны; регулирование утвержденного плана производства и распределения и общее наблюдение за выполнением утвержденных промышленных планов. В провинции по районам общее согласование работы экономических органов является, соответственно компетенцией экономических совещаний и организованных при них районных плановых комиссий. Задачей районных плановых комиссий является: «предварительная, основанная на руководящих указаниях Госплана и Экосо разработка перспективного и текущего плана хозяйства своего района и вопросов внутриобластного районирования для представления таковых, по их рассмотрении ЭКОСО, в Госплан, как материал для составления общего плана народного хозяйства Союза».

На ряду с Госпланом при СТО была создана другая полномочная комиссия—комиссия по внутренней торговле (Комвнуторг),—

в настоящее время развившаяся в Народный Комиссариат Внутренней Торговли. Непосредственной задачей Комвнуторга и его местных органов является содействие развитию товарооборота и укреплению государственной и кооперативной форм торговли.

Непосредственное регулирование и управление промышленностью и торговлей госорганов своего ведомства осуществляется ВСНХ и его областными и местными органами: Промбюро и ГСНХ. В составе ВСНХ Союза и всех союзных республик выделено с недавнего времени специальное управление промышленностью, которое, по данному ему заданию, непосредственно руководит трестами союзного и республиканского значения (Цутпром, Утпром). Всестороннее регулирование остальной части промышленности сохранено в Главном Экономическом Управлении ВСНХ СССР (ГЭУ) и Экономическом Управлении ВСНХ РСФСР (ЭУ).

Этими учреждениями исчерпывается сеть регулирующих и планирующих промышленность органов с административными функциями.

Другая часть планирующих промышленность органов—это созданные центральной властью или создавшиеся при содействии центральных органов учреждения, регулирующие народное хозяйство исключительно экономическими методами. Важнейшими из них являются банки. В капиталистическом хозяйстве банки являются сильнейшими регуляторами народного хозяйства. В наших условиях они приобретают колоссальное значение. При общем недостатке оборотных средств в промышленности от направления кредита банков в значительной степени зависит темп и направление развития отдельных отраслей промышленности. От политики кредитования частного капитала зависят успехи последнего и степень его опасности для государства. Не надо забывать также, что в наших банках превалирует государственный капитал и что монополия банков, об'явленная в 17 году, осталась, по существу, в силе. Не только Госбанк, но также Промбанк, Торгово-Промышленный банк и даже Коммерческий банк целиком подчиняются директивам государства и являются проводниками его политики. Роль банков (в частности Промбанка) очерчена следующим образом в речи тов. Троцкого на XII с'езде и в принятой с'ездом резолюции: «Система кредитования промышленности является не только финансовой, банковой задачей, но и важнейшей частью деятельности по организации и руководству промышленностью... План социалистического хозяйства не может быть установлен теоретическим или бюрократическим путем. При централизованном характере нашей промышленности финансовый аппарат является и, чем дальше, тем больше, будет становиться основным аппаратом управления промышленностью» [1]). В самое последнее время

деятельность банков, до той поры несогласованная между собой, была об'единена в специальном комитете банков.

Об остальных учреждениях, экономическими мерами регулирующих промышленность, возникших большею частью в первый период НЭП'а, мы уже говорили, это — синдикаты, сырьевые общества, экспортные бюро, пайторги, товарные биржи и их об'единения: советы с'ездов (биржевой торговли, промышленности) и т. д.

Мы видим, таким образом, к началу 23 года разветвленную и довольно стройную сеть регулирующих и планирующих промышленность и торговлю органов, как административных, так и экономических.

Обратимся к практике регулирования промышленности на втором этапе периода НЭП'а (с начала 22—23 г.). Выше мы сказали, что конец 22 года создал условия, впервые благоприятствовавшие более глубокому проникновению планового начала в работу хозяйства, чем это имело место в 21—22 году. Еще раньше мы указывали, что сама по себе, экономическая система НЭП'а настоятельно требует постоянного регулирования со стороны социалистического государства. Анализ путей развития промышленности и народного хозяйства с осени 22 года, подкрепленный опытом 24 года, приводит к заключению, что *государство в недостаточной мере использовало в 22—23 году* (в особенности это ярко выступает во втором полугодии) *находящиеся в его распоряжении средства для регулирования промышленности* и для согласования ее работы с общим положением народного хозяйства. Результатом этой несогласованности руководства к тому времени, уже не вполне оправдываемой слабостью регулирующих органов, был кризис, выражением которого были известные «ножницы», кризис, изжитый лишь с заметным потрясением народного хозяйства к началу 24 года, главным образом, благодаря усилению того же планомерного государственного регулирования.

Связь между недостаточно проявленным плановым началом и разразившимся кризисом троякого рода. Когда кризис разразился, то в основе кризиса лежало катастрофическое расхождение промышленных и сельско-хозяйственных цен, совершенно подрывавшее покупательскую способность основного потребителя промышленных товаров, — крестьянства. Это длительное расхождение сельско-хозяйственных и промышленных цен, базировавшееся в своей основе на диспропорциональном развитии

---

[1]) Тов. Преображенский образно определяет роль банков в переходный период: «Перед советскими банками стоит задача «провокаторски предавать капитализм социализму, действуя капиталистическими методами». («От НЭП'а к социализму»).

промышленности и сельского хозяйства, было значительно усилено в результате того, что государственная промышленность, которой ВСНХ дал значительно ранее директиву добиться прибыльности производства, не посчиталась с фактическим положением рынка и беспрерывно повышала цены. В то же время вся обстановка реализации крестьянством сельско-хозяйственных продуктов способствовала установлению на хлеб крайне низких цен. Своевременное государственное регулирование могло бы в значительной мере предотвратить процесс расхождения лезвий «ножниц», что и подтвердил в дальнейшем опыт.

С другой стороны, государство само способствовало остроте кризиса тем, что в течение летнего сезона резким усилением кредитования торговли и промышленности усилило ажиотаж на рынке; за этим ажиотажем и промышленность и государственные органы проглядели отсутствие достаточного реального потребительского спроса на изделия промышленности при данном уровне цен.

Размеры осеннего кризиса 1923 года были чрезвычайно значительны. Вместо ожидавшегося сезонного оживления, август 1923 года дал, судя, например, по оборотам Московской товарной биржи, всего 73% июльского оборота, сентябрь 63% июльского оборота и октябрь всего 50% июльского оборота. Заработная плата не смогла быть выплачена трестами своевременно и правительству пришлось притти на помощь промышленности специальными ассигнованиями; при том, в большинстве предприятий, в течение всей осени имелись недоимки по зарплате. О размерах финансового кризиса предприятий свидетельствуют данные о протесте векселей. По данным одного только Московского нотариуса рост суммы опротестованных в сентябре—октябре векселей против июня—июля выразился в 400%, при чем многие векселя к учету не принимались. На производстве кризис отразился лишь в том смысле, что не произошло расширения производства, на каковое можно было бы расчитывать при благоприятной коньюнктуре. (Небольшое снижение суммы производства в ноябре—декабре против октября об'ясняется различием в числе рабочих дней в эти месяцы).

В общем, кризис конца 1923 года был самым значительным по своим размерам и по своим последствиям из всех кризисных состояний народного хозяйства в период НЭП'а. Тем не менее, по сравнению с Западом, наше хозяйство, благодаря особенному характеру своей структуры, пережило кризис необычайно легко и с исключительной быстротой оправилось от него. Эта относительная малоболезненность кризисов для советского хозяйства об'ясняется преобладанием государственных промышленных предприятий в нашем хозяйстве и значением планового начала: государство пришло трестам на помощь, и, с другой стороны,

воспротивилось сжатию производства. Обычно, кризис перепроизводства в капиталистических странах усугубляется сокращением производства, увеличением числа безработных и понижением заработной платы, что еще более понижает покупательский спрос и, следовательно, увеличивает перепроизводство. В наших условиях регулирования производства и рынка труда этих моментов, усиливающих кризис,— нет.

Опыт НЭП'а в отношении «кризисов» позволяет сделать некоторые обобщения. При НЭП'е, несмотря на беспрерывно повышающуюся кривую общего состояния народного хозяйства, мы до сих пор не выходили из кризисного состояния, то в одной, то в другой отрасли народного хозяйства .Это есть пока еще неизбежный результат неустановившихся пропорций между частями народного хозяйства при общей бедности капиталами, запасами товаров. Более общие кризисы, которых мы могли бы насчитать за 2½ годичный период НЭП'а 3 или 4, имеют в основе те же явления. Кризисы перепроизводства в капиталистическом строе — и наши кризисы имеют лишь внешнее сходство. После достижения промышленностью и народным хозяйством переходного периода известного минимального уровня развития и приведения всех частей хозяйства в соответствие между собой, есть все основания рассчитывать, что наступление кризисных состояний можно будет лучше предвидеть, некоторые из них будут предотвращены, действие других будет ослаблено. Это будет достигнуто, с одной стороны, благодаря существованию предварительного планирования работы промышленности, с другой стороны, благодаря наличию в распоряжении государства мощного аппарата экономического воздействия на народное хозяйство. Опыт кризисов при НЭП'е вновь подтверждает высказанные уже суждения о том, что принцип капиталистического регулирования — рынок, конкуренция, сам по себе не оказывает в хозяйстве переходного периода того положительного регулирующего воздействия, как в капиталистическом хозяйстве. При системе смешанного хозяйства именно отсутствие регулирования со стороны государства толкает народное хозяйство к своеобразному кризису, гораздо раньше, чем это имело бы место в капиталистическом хозяйстве. Капиталистические законы цен и конкуренции имеют очень ограниченное действие в отношении построенной на социалистических основах государственной промышленности. В первую очередь это происходит потому, что госпромышленность организована в монополии, во вторых, потому, что гострести не подчинены в такой мере, как капиталисты, закону расширения производства.

В 22—23 году все эти особенности экономики переходного времени получили свое проявление. Недостаточность планового го-

сударственного начала выразилась, в первую очередь, в крайне слабом руководстве теспромышленностью. Связь трестов и синдикатов с ВСНХ выражалась преимущественно в высылке запоздалой информации.

Постоянных директив по вопросам текущей политики ВСНХ, в сущности, не давал трестам и синдикатам. Относящееся к этому времени обследование РКИ рисует картину, весьма неблагоприятную для ВСНХ [1]).

К этому периоду можно применить, по аналогии слова тов. Рыкова, сказанные им по поводу положения промышленности в более ранний период (в 21—22 г.г.): «От чрезмерного, с бюрократическим извращением, централизма, мы сразу перешли к такой децентрализации, которая многие фабрики и их об'единения предоставила их собственной судьбе». Регулирование промышленности было недостаточно и, в этом случае, государство, очевидно, не уберeглось от одной из опасностей в области планирования, указанной в цитированной выше резолюции XII партс'езда. (принятой в марте 23 г., т. е. за ½ года до кризиса): «отставания централизованного регулирования от явно назревших потребностей в нем...».

Помимо кризиса, разразившегося осенью 23 года, были и другие показатели недостаточного регулирования промышленности со стороны государства, например, в области банковского кредитования.

Первый год своей деятельности Промбанк кредитовал почти исключительно легкую промышленность, работавшую на рынок, несмотря на то, что именно она находилась в лучших условиях. При том оказывалось, что вклады тяжелой промышленности обращались на кредитование рыночных отраслей промышленности. В то же время и Госбанк несогласованно с Промбанком финансировал особенно сильно текстильную промышленность(см. материалы и обследования РКИ). Так же нуждались в государственном регулировании и многие другие стороны торговой и производственной деятельности государственных предприятий.

Третий период деятельности регулирующих органов начинается с середины лета 23 года и тенденции этого периода получают окончательное оформление к осени 23 года, когда они стали наиболее полно выявляться в связи с мероприятиями по ликвидации кризиса.

---

[1]) «До сих пор в ВСНХ лишь случайные, отдельные лица знают состояние той или иной отрасли промышленности со всех сторон и за получением сколько-нибудь полных сведений, нужно итти в синдикаты. Раз ВСНХ не имеет возможности охватить отдельные отрасли промышленности, он не в состоянии управлять и промышленностью в целом. ВСНХ вовсе не руководил синдикатами». Книга РКИ «Синдикаты и госторговля».

Этот период характеризуется очень значительным усилением планового воздействия государства на народное хозяйство и проникновением государственного регулирующего начала в такие области государственного хозяйства, в какие оно не проникало раньше.

Первой задачей планового хозяйства в этом периоде была скорейшая ликвидация кризиса и смягчение его последствий для народного хозяйства. Основная причина кризиса, как мы указывали уже, была в расхождении сельско-хозяйственных и промышленных цен. Целая система плановых мероприятий в весьма короткий срок сумела изменить это соотношение в благоприятную сторону, как это вытекает из рассмотрения следующих цифр:

Расхождение цен на сельско-хозяйственные продукты и промышленные изделия (так называемые «ножницы» [1]*).*

Даты	Общетоварн. индекс	Индекс пром. изд.	Индекс с.-х. продук.
1 декабря 1922 г.	1,04	1,22	0,91
1 января 1923 г.	0,90	1,12	0,74
1 февраля » »	0,98	1,28	0,76
1 марта » »	1,09	1,46	0,83
1 апреля » »	1,05	1,50	0,75
1 мая » »	0,98	1,49	0,66
1 июня » »	1,10	1,70	0,73
1 июля » »	1,29	1,87	0,91
1 августа » »	1,36	2,14	0,88
1 сентября » »	1,34	2,33	0,77
1 октября » »	1,29	2,38	0,74
1 ноября » »	1,27	2,15	0,75
1 декабря » »	1,35	2,06	0,89
1 января 1924 г.	1,45	1,96	0,97
1 февраля » »	1,62	2,04	1,29
1 марта » »	1,71	1,94	1,52
1 апреля » »	1,61	1,86	1,39
1 мая » »	1,57	1,81	1,35
1 июня » »	1,50	1,80	1,24
1 июля » »	1,56	1,80	1,25
1 августа » »	1,64	1,81	1,51
1 сентября » »	1,60	1,79	1,45

В основе этих мероприятий лежала директива хозорганам о планомерном снижении отпускных цен. Можно указать на три волны снижения цен: осенью 23 г., весной 24 г. и осенью 24 г. Общий размер снижения отпускных цен промышленности (судя по индексу отпускных цен ВСНХ), превысил за 1¼ года 30%.

---

[1]) По индексу Госплана (неперевешенному) (в червонных рублях).

Сельско-хозяйственные заготовительные хлебные цены повысились в текущем году против прошедшего на 110—120%.

Снижение промышленных цен, проводимое государством с целью фактического осуществления экономической смычки промышленности с сельским хозяйством, означало не только понижение прибылей промышленных предприятий, но и являлось стимулом к снижению себестоимости изделий [1]), к сокращению производственных и непроизводственных расходов, к борьбе за рационализацию производства.

Борьба за учет себестоимости (калькуляцию) отмечает весь этот период и впервые за все время (в значительной мере благодаря проведению денежней реформы) приводит к положительным результатам.

Другим колоссальным успехом планирования в этот период является осуществление денежной реформы, создавшей прочный фундамент для развития нашего социалистического хозяйства. Проведение денежной реформы требовало большого напряжения всех плановых органов Союза, так как успех ее зависел, конечно, не от одного НКФина, не только от сокращения расходов по бюджету, но также и от согласованной и правильно поставленной работы промышленности и торговли.

В частности, в связи с денежной реформой, была проведена чрезвычайно ответственная по последствиям работа по дальнейшему снижению промышленных цен, по переводу заработной платы на червонные рубли и, наконец, по оттеснению частного капитала из оптовой и отчасти из розничной торговли.

Кампания по борьбе с частным капиталом непосредственно вытекала из охраны денежной реформы от срыва. Условием осуществления денежной реформы была стабилизация цен. Это последнее могло быть осуществлено в такой критический момент только при том условии, что «командные высоты» в области оптовой и даже розничной торговли находились бы непосредственно в руках государства. Частный капитал с накопленным в его руках товарным фондом был крайне опасен денежной реформе, так как он, владея товарами, был заинтересован в падении реального товарного курса казначейской валюты. XIII партийный с'езд формулировал эту опасность в следующих словах: «Нам необходимо добиться быстрых успехов от организации кооперативной и государственной торговли еще и для того, чтобы создать достаточно прочную базу в деле осуществления перехода советского государ-

---

[1]) В связи с этим, в некоторых случаях государственные органы сознательно устанавливали цены, не покрывавшие на известный процент себестоимости производства к моменту установления новой цены, побуждая тем самым тресты к энергичным мероприятиям по снижению себестоимости и открывая, одновременно, возможность расширения производства.

ства к твердой валюте, ибо благополучие денежной реформы будет неизбежно поколеблено от неорганизованности рынка и господства на нем частной торговли, не поддающейся постоянному и действительному регулированию со стороны государства». Кампания против частного капитала (в отдельных проявлениях своих, впрочем, не согласованная с реальными возможностями государственного регулирования) в общем и целом сумела предотвратить эту опасность.

Денежная реформа, несмотря на всю спешность ее проведения, благодаря жесткому государственному регулированию, была осуществлена с минимальными издержками для народного хозяйства: некоторым кризисом разменной монеты в апреле—мае месяце, незначительной заминкой оборота в марте месяце (в связи с снижением цен, о котором рынок был заранее предупрежден), отдельными ошибками в борьбе с частным капиталом. Конечно, эти небольшие ошибки (неизбежные в таком грандиозном процессе, который представляет замена падающей валюты твердой, стабилизованной), никак не могут быть сравнены с положительными результатами введения в оборот твердой валюты.

Эти три фактора развития народного хозяйства в 1924 г. и в последующие годы: сниженные промышленные цены, повышенные сельско-хозяйственные цены и денежная реформа—обусловили продолжающийся быстрым темпом, несмотря на неурожай, под'ем хозяйства, наблюдаемый нами в настоящее время.

Мы ставили эти положительные явления в нашем хозяйстве в связи с активностью государственного регулирующего начала, но необходимо, конечно, отметить, что столь положительный эффект планирования мог быть достигнут, конечно, лишь благодаря предшествовавшему под'ему народного хозяйства, в частности, промышленности. В 21 и 22 г.г. такого эффекта не было бы. В 1923 году вмешательство государства в политику цен промышленности было бы, конечно, полезно (и недостаточная активность его в этом направлении была ошибкой), но, конечно, и в 23 г. была неосуществима денежная реформа; пределы целесообразного государственного регулирования были в 23—24 г. уже значительно шире, чем в 22—23 году. Конечно, в последующие годы эти пределы еще более расширятся (при условии дальнейшего роста народного хозяйства).

Этот третий период усиленного государственного регулирования характеризуется оживлением работы по организации промышленности. Невозможно оспаривать тот факт, что произведенное в 21 году, по необходимости, наспех, размежевание предприятий между собой и об'единение их в тресты и комбинаты во многих случаях не удовлетворительно и не представляется наиболее рациональным. В связи с этим, ВСНХ и его органы производили в течение 23—24 г. новый пересмотр трестов и синдикатов, усили-

вали концентрацию производства, изменяли структуры низовых органов управления промышленности. В этой области задачи ВСНХ еще не разрешены. Жизнь требует (особенно в связи с проблемой воспроизводства основного капитала) нового пересмотра предприятий, может быть, более решительного. Но во всяком случае, положено начало этому процессу плановой перестройки собственно государственного хозяйства—промышленности. Мы указывали выше, что путь к социализму ведет прежде всего через усовершенствование собственно государственного хозяйства.

В течение 23—24 года укреплялась связь между высшими государственными органами, регулирующими промышленность, и об'ектом регулирования,—предприятиями, трестами, синдикатами. В этом отношении большую роль сыграли комиссии, «пересматривавшие» тресты и синдикаты, а также всевозможные комиссии, обследовавшие деятельность предприятий (калькуляционные, по производительности труда и т. д.). Не меньшую роль играла и организационная перестройка самого ВСНХ, в составе которого был выделен специальный функциональный орган (Цугпром) по управлению 62 крупнейшими трестами союзного значения.

К области планового управления промышленностью относится также согласование производственных программ промышленных предприятий. Эта работа—подход к Единому плану. Как мы уже неоднократно указывали, осуществление единого плана в полном об'еме невозможно в условиях хозяйства, недостигшего даже уровня довоенного капиталистического производства, но элементарное, грубое согласование производственных программ и возможно и совершенно необходимо. В этой области планирования промышленности мы не могли в прежние годы похвалиться успехом. Производственные программы часто утверждались Госпланом к концу года. Производство весьма часто не зависело от производственных программ (например, в 23—24 г. Госплан утвердил для металлопромышленности минимальный вариант программы, а промышленность работала по максимальному варианту), часто плановые органы ошибались в своих предположениях (о чем свидетельствует, например, товарный голод в разные периоды), плановые органы не могли обеспечить быстрого следования производства за изменением производственного задания (например, в текущем году в хлопчатобумажной промышленности) и т. п.

Эти факты неуспеха в согласовании производственных программ об'яснялись большею частью об'ективными условиями, главным образом, плохим учетом и резкими сдвигами в народном хозяйстве (общей неустойчивостью его), которых плановое предвидение не могло предусмотреть. Чем дальше развивается, однако, наше хозяйство и чем более устойчив фундамент, на котором строится наше хозяйство (о нем говорит наша стабилизованная валюта), тем больше возможностей представляется для согласования про-

изводственных программ промышленности. Некоторые успехи в этой области (в 24—25 г.) в связи с выделением в составе ВСНХ Цугпрома, уже имеются, как об этом заявляет член Президиума ВСНХ тов. Юлин [1]).

Нет сомнения, однако, что в области согласования производственных программ нам предстоит в дальнейшем существенно изменить самые принципы планового вмешательства в сторону большей активности его. До сих пор Госплан и ВСНХ, увязывая между собой работу промышленных предприятий, исходили: 1) из общей потребности в изделиях каждой отрасли промышленности и 2)) технической и финансовой мощности каждого предприятия. Так как распределение оборотных средств в 21 году (во время организации трестов) происходило в хаотическом порядке, то во многих случаях, как раз крупнейшие и лучше обставленные предприятия оказались относительно обделенными оборотными средствами. Считаясь с данными финансовыми возможностями предприятий, Госплан часто принужден прирост в новом хозяйственном году раскладывать в относительно большей мере на средние, менее индустриализованные предприятия, финансовое положение коих более удовлетворительно (как это случилось, например, в отношении металлической промышленности). Между тем, с точки зрения социалистического устремления нашего хозяйства целесообразнее базировать производство и (прирост его) преимущественно на крупнейших усовершенствованных предприятиях. Очевидно, для планомерной политики согласования производственных органов, государственные планирующие органы должны располагать реальной возможностью усиления финансов одних предприятий за счет финансов других предприятий и за счет планомерного распределения банковского кредитования. Вопрос о перераспределении оборотных средств промышленности стал весьма остро в связи с проблемой восстановления основного капитала. ВСНХ уже принципиально разрешил вопрос о централизации амортизационного фонда. Очевидно, предстоит поставить эту проблему в более широком масштабе, памятуя, конечно, что полное разрешение ее наталкивается на колоссальные практические трудности.

Все проблемы производства в той или иной мере соприкасаются с большей частью и покрываются общей основной проблемой производительности труда. В том или ином виде эта проблема (точнее стремление к ее разрешению) являлась все годы НЭП'а стержнем всей политики регулирования промышленности. Одновременно с общим усилением регулирования промышленности, проблема производительности труда вновь встала во всей широте. ВСНХ, поднявший кампанию в пользу повышения производитель-

---

[1]) Передовая «Торгово-Промышленной Газеты» в № от 1-го октября 1924 года.

ности труда, привлек внимание рабочих и хозяйственников к этой проблеме, дал всем хозяйственникам отчетливую директиву повысить производительность труда, и направляет в настоящее время всю работу промышленности (рассчитанную на длительный период) по производительности труда. Результаты кампании уже начинают сказываться: они весьма значительны и свидетельствуют о том, что потенциальные возможности улучшения нашего хозяйства, даже без технических усовершенствований, — еще очень велики. Достигнутые уже в первой стадии кампании блестящие результаты ее лишний раз иллюстрируют выставленный нами тезис о необходимости систематического регулирования промышленности (собственно государственного хозяйства) со стороны высших органов. Совершенно очевидно, что если бы не было инициативы высших органов, то рост производительности труда продолжался бы прежним крайне медленным темпом.

Что касается кредитной системы, то она становится в последнее время все более рациональной и подчиненной плановым директивам высших государственных органов. Это связано, между прочим, с усилением роли Промбанка в кредитовании промышленности и влиянием, оказываемым на него ВСНХ и Комвнуторгом. В последнее время кредитование тяжелой индустрии в Промбанке заняло центральное место. Задолженность металлопромышленности равна теперь 20% основного капитала банка (30% всех пассивов), топливной промышленности — 25% основного капитала (10% всех пассивов).

С развитием деятельности комитета банков плановое начало в кредитовании будет проводиться еще более полно; в дальнейшем кредитная система должна быть теснейшим образом связана с увязкой производственных программ.

Организация торговли в этот период оставалась, конечно, одной из важнейших задач планирования, так как именно рынок — видимая арена борьбы за социализм. В частности, ВСНХ и организовавшийся в 23—24 г. Комвнуторг ставили во главу угла заботы об упорядочении торгового аппарата (пересмотр представительств, децентрализация аппарата и т. д.).

Проблема эта особенно обострилась в связи с необходимостью скорейшего изжития осеннего кризиса, и впоследствии, в связи с борьбой с частным торговым капиталом. Внимание государственных органов было направлено на децентрализацию торговли, создание провинциального рынка и на удешевление самого торгового аппарата. И в той и в другой области были достигнуты существенные успехи; напр., за 2 года провинциальный рынок значительно окреп. Еще в первом квартале 1923 года оборот МТБ составлял 71% всего биржевого оборота в Союзе, а в 23—24 г.г. меньше 50%. Оборот Всероссийского Текстильного Синдиката в Москве сни-

зился с 70% до 25% общего оборота синдиката за тот же примерно срок и т. д. О снижении отпускных цен промышленности мы уже говорили выше. Важно указать дополнительно, что проблема расхождения рыночных розничных и отпускных оптовых цен на промышленные изделия становится все острее и требует особого внимания государственных регулирующих органов. При этом практика показала, что регулирование розничных цен возможно почти исключительно мероприятиями экономического характера.

Наконец, мы должны указать на еще одно завоевание планового хозяйства в третьем периоде НЭП'а, характеризующемся усиленной регулирующей ролью государства, — на организованный еще в начале 24 года и постепенно усиливающийся учет текущей хозяйственной коньюнктуры.

В нашем хозяйстве переходного периода следить за коньюнктурой особенно важно в силу двух причин: 1) хозяйство наше продолжает оставаться неустойчивым, и более или менее резкие сдвиги происходят постоянно, 2) стихия рынка для наших государственных предприятий—плохой регулятор (еще более дорогой, чем для капиталистических предприятий). Учет коньюнктуры позволяет в самом зародыше обнаружить волны депрессии , рыночного оживления, и соответственно изменить характер и направление деятельности государственных органов. Задача высших государственных органов в предстоящем периоде—сделать учет коньюнктуры постоянным фактором плановой политики [1]).

В связи с этим следует указать все же, что в нашей политике регулирования встречаются и существенные дефекты. На примере хлебозаготовок в текущем году государственные регулирующие органы убедились, в какой мере важно всю политику регулирования делать максимально гибкой, учитывающей всю сложность экономической обстановки, на которую она пытается воздействовать. В отношении хлебозаготовительных лимитов первоначальные ошибки политики Наркомвнуторга были довольно скоро исправлены. Но, конечно, недостаточную гибкость торговой политики можно отметить и в ряде других случаев. В частности, по нашему мнению, перед Комвнуторгом и ВСНХ стоит серьезная и очень ответственная задача в области политики цен: дифференцировать цены, т. е. изменить существующую практику, когда единая цена назначается для изделий определенного сорта (а иногда и еще более общего вида) вне зависимости от различий в качестве и т. д. Единообразные цены премируют в большинстве случаев худшие предприятия, а лучшие предприятия побуждают к понижению себестоимости (или повышению прибылей) путем ухудшения качества изделий.

---

[1]) Пока эта связь между учетом коньюнктуры и политикой слаба.

Здесь уместно также указать и на некоторые извращения правильной плановой политики, которые имели место в последний период. К таким извращениям мы относим помимо общеизвестных фактов чрезмерного нажима на частный капитал, в особенности в провинции, вмешательство регулирующих органов в непосредственную оперативную работу хозяйственных организаций. Так, например, нам представляется мало оправданным даже общим недостатком товаров (летом 24 г.) такое, например, приказание Комвнуторга какому-либо текстильному тресту, как продажа в данном месяце, в данном районе определенной массы товара. Если районирование сбыта и представляет в известных условиях (впрочем, в текстильной промышленности их, пока, нет) существенные выгоды, то, конечно, районирование предполагает длительное, систематическое обслуживание целого значительного района преимущественно одним предприятием, почему либо тяготеющим к этому району, но никак не случайное прикрепление определенного предприятия к той или иной губернии на короткий срок с количеством товара обязательно подлежащим распределению в этом районе. В таких случаях, как на это справедливо указывали промышленные орагнизации, они уже не могли выбирать ни кредитоспособных покупателей, ни тем более благоприятных условий продажи и, следовательно, всякий коммерческий подход к торговой деятельности и, вместе с тем, всякий смысл существования самостоятельного оперативного органа — правления треста. Естественно, что в условиях нормального соотношения спроса и предложения такая политика недопустима. Покуда существуют условия для сохранения самостоятельных (на хозяйственном расчете) предприятий и нет еще предпосылок для создания законченной системы социалистически построенного хозяйства, водоразделом между регулирующими органами и непосредственно хозяйствующими предприятиями должны служить чисто оперативные функции последних, которые, как правило, должны быть им сохранены. В этих пределах хозорганы должны быть свободны от вмешательства регулирующих органов. Последние же должны ограничиться в своей деятельности (по крайней мере, в нормальных условиях) сферой политики (в указанных случаях— торговой политики). Подыскать подходящую формулу разделения функций регулирующих и хозяйствующих органов весьма сложно. Мы определили бы задачи регулирующих органов в общей форме таким образом: их задача—давать хозорганам директивы (достаточно детализованные) и котролировать их действия; задача же хозорганов — самостоятельно осуществлять в текущей работе эти директивы, используя весь свой опыт и инициативу.

Среди задач плановой политики государства, которые выявились уже с достаточной ясностью в последний год и разрешение

которых становится особенно важным в предстоящий период, нужно отметить те мероприятия, которые все больше приближают государственное регулирование переходного периода к планированию социалистического характера. Эти задачи связаны с необходимостью построения нового хозяйства. В первые годы НЭП'а перед государством стояли, по необходимости, весьма узкие задачи в области восстановления производства. Речь шла лишь об оживлении работы замерших колоссов, построенных капитализмом, о развитии производства всецело в рамках сохранившейся от капитализма организации промышленности. Но чем дальше развивается хозяйство НЭП'а, тем все важнее становится использование тех преимуществ, которые имеет обобществленное национализированное собственно государственное хозяйство (промышленность), как хозяйство, по существу, единое. Если раньше развитие шло и могло итти только в плоскости использования старого оборудования и методов производства, то теперь становится возможным использование новых методов производства на новом оборудовании, построенном с общественным разделением труда недоступным капиталистическому хозяйству. Перед государством стоит теперь задача организации заново нужных производств, постепенной постройки новых рациональных предприятий в старых производствах, строгой специализации производства между существующими фабриками, постепенной концентрации производства на наиболее рациональных предприятиях, стандартизации самого производства и т. д. Частный интерес и частная инициатива, господствующие в капиталистическом производстве, делают невозможным последовательное проведение этих принципов в национальном масштабе. В полной форме осуществление этих принципов возможно только в развитом социалистическом хозяйстве; но уже в современном хозяйстве переходного периода эти принципы могут найти себе осуществление (и чем дальше, тем в большей степени). Надо сказать, что к осуществлению этого рода планирования производства государством (такое планирование может производиться только в масштабе всего государства и именно государственными регулирующими органами) не только имеются налицо необходимые предпосылки (возможность), но и существует прямая необходимость. В самом деле, не может быть сомнения в том, что хозяйство переходной эпохи в такой отсталой в экономическом отношении стране, как СССР, во многих отношениях поставлено в менее благоприятные отношения, чем капиталистическое передовое хозяйство. Прежде всего, следует отметить недостаток капиталов в стране, как результат бедности ее до революции и издержек последней при невозможности получить крупные займы из-заграницы. Притом, хищническое накопление капиталов внутри страны, к которому прибегает буржуазия в соответ-

ствующих случаях, для государства переходного периода исключено. С другой стороны, пролетарское государство имеет целый ряд издержек производства (прежде всего вполне развитое законодательство по охране труда), которые не соответствуют прежнему российскому уровню капиталистического производства. Наконец, пролетарское государство применяет труд рабочего, воспитанного в условиях отсталой капиталистической России и не могущего преобразиться в короткий срок в законченный тип общественного работника. Все эти дефекты, тормозящие развитие национализированной промышленности, необходимо должны быть возмещены теми специальными преимуществами, которые имеет единое в принципе национализированное хозяйство, подчиняющееся государственному плану.

Итак, мы можем резюмировать основные выводы настоящей главы следующим образом:

1) Природа советского хозяйства (т. е. хозяйства переходного периода) вызывает необходимость планового государственного регулирования народного хозяйства; обычный регулятор народного хозяйства в капиталистическом строе—частный интерес, конкуренция—в условиях переходного периода является еще менее совершенным средством регулирования народного хозяйства, чем в капиталистическом хозяйстве.

2) Характер и об'ем экономически целесообразного регулирования промышленности и всего народного хозяйства со стороны государства зависят, главным образом, от двух факторов: а) общего соотношения социалистического и несоциалистического начала в хозяйстве и б) уровня развития производительных сил в стране. Так, например, НЭП в Германии дает больший простор плановому руководству государства, чем у нас в Союзе. С развитием производственных сил хозяйства переходной эпохи усиливается плановое руководство государства. Предел развития планового руководства народным хозяйством—социализм, т. е. ликвидация анархических элементов в народном хозяйстве.

3) В практике планового руководства промышленностью и народным хозяйством встречаются две опасности, отмеченные еще XII партс'ездом: а) опасность опережения хозяйственного развития путем планового вмешательства и б) опасность отставания централизованного регулирования от назревших потребностей в нем. Мы не избегли на практике ни тех, ни других ошибок (с одной стороны некоторые моменты в политике цен в 24 году и борьбы с частным капиталом; с другой стороны—«ножницы», проблема протежирования крупной индустрии), но в общем и в целом, вели правильную линию постепенно усиливавшегося планового регулирования, способствующего росту производительных сил страны и усилению социалистического элемента в этом хозяйстве. В част-

ности, в значительной мере, в результате умелого и своевременного регулирования мы сумели в истекшем хозяйственном году провести денежную реформу и увеличить покупательную способность рынка.

4) Попрежнему государственное планирование должно итти по двум руслам: экономического и административного воздействия на хозяйство, при чем и впредь приоритет должен принадлежать первому из этих методов. В связи с этим перед государственным регулированием промышленности стоит задача дальнейшего укрепления органов экономического регулирования хозяйства — синдикатов[1]), банков—и усиления руководства ими со стороны государства.

5) Чем более укрепляется народное хозяйство, чем сильнее становится нарушенная гражданской войной связь между элементами народного хозяйства, тем больше усложняются задачи государственной плановой политики в переходный период. Постоянно изменяющиеся структура и коньюнктура народного хозяйства в этот период не позволяют застывать каким бы то ни было формам регулирования хозяйства и требуют от государственных регулирующих органов гибкости и постоянного внимания к потребностям народного хозяйства.

---

[1]) Роли синдикатов в государственном регулировании промышленности автор придает чрезвычайно большое значение и считает крупнейшей ошибкой плановой работы в 22—23 г.г. игнорирование синдикатов, полное фритредерство по отношению к ним со стороны ВСНХ. Даже государства капиталистического строя подчиняли себе монополистические организации промышленности, тем самым обеспечивая себе лучший путь регулирования промышленности. Тем больше оснований, реально подчинив синдикаты государству в лице ВСНХ и укрепив еще больше их позицию по отношению к трестам, проводить через них значительную часть мероприятий по регулированию промышленности синдицированных отраслей. В «Социалистическом хозяйстве» за 24 год автор брошюры высказывал, между прочим, следующие суждения, о будущей роли синдикатов в организации промышленности:

«Мы считаем, что настанет время, когда синдикаты действительно будут обслуживать тресты на 100%, в отношении реализации продукции на 90%, в отношении заготовок и в значительной мере также в области финансирования и регулирования производства. К этому синдикаты придут нормальным экономическим путем, который обеспечит им сохранение структуры вполне коммерческих и деловых органов, чем они радикально будут отличаться от всех видов главков. Когда синдикаты переварят и этот опыт, они сделаются теми органами, на которых сможет базироваться управление социалистической промышленностью, как ветвью социалистического хозяйства. Тогда синдикаты сделаются ячейками управления отраслями промышленности, при чем это управление отнюдь не будет исключать значительной автономности предприятий в области производства».

ОГЛАВЛЕНИЕ.

[illegible] 53, 76, 75

